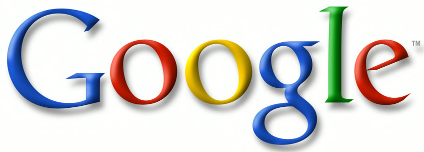

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXLII.

1885.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го декабря).

АНГЛІЙСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О РОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА.

I.

Англійскимъ извѣстіямъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка принадлежитъ видное мѣсто среди источниковъ русской исторіи за это время. Наибольшею извѣстностью пользуется сочиненіе Флетчера „On the Russe Common Wealth". По замѣчанію Бодянскаго [1], 4-я глава X тома „Исторіи" Карамзина „Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка" — есть только переложеніе книги Флетчера. Конечно, въ этихъ словахъ есть доля увлеченія со стороны Бодянскаго, но не трудно замѣтить, что дѣйствительно глава эта написана Карамзинымъ почти исключительно по иностраннымъ источникамъ и, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ Флетчера и Маржерета. Новѣйшіе русскіе историки счастливѣе Карамзина: у нихъ подъ руками гораздо больше отечественныхъ извѣстій; но и изъ нихъ никто не обходился безъ ссылокъ на Флетчера, Горсея и другихъ англичанъ; каждому приходилось считаться съ ихъ извѣстіями.

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что отсутствіе критической провѣрки англійскихъ извѣстій XVI вѣка составляетъ существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ.

Прежде всего, разумѣется, должно выяснить, кто такіе были авторы этихъ извѣстій, то-есть, ихъ вѣрованія, понятія, нравы и условія ихъ жизни, какъ дома, такъ и въ Россіи [2]).

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ.* 1870 г. № 3 (предисловіе къ документамъ *Стороженка).*

[2]) Слѣдующій за этимъ очеркъ англійской исторіи составленъ по: *Thornbury.* Shakspere's England. Lond. 1856; *Drake*, Shakspeare and his time, L. 1838;

Сравнительно съ Россіей Англія занимала очень незначительную территорію, съ населеніемъ четыре или пять милліоновъ. Англійскій престолъ отъ 1553 г. по 1603 занимали женщины—Марія и Елизавета. Власть обѣихъ этихъ государынь была на дѣлѣ неограниченною; особенно Елизавету англійскіе историки обвиняютъ въ деспотизмѣ. Но неограниченность королевской власти была явленіемъ ненормальнымъ, происходившимъ отъ временныхъ причинъ: аристократія была очень ослаблена, а среднее сословіе еще не успѣло возвыситься до степени оппозиціи коронѣ. Парламентъ не могъ успѣшно противиться волѣ государя: единственное средство парламента — отказъ въ деньгахъ—государь легко могъ парализировать возвышеніемъ пошлинъ, раздачей привилегій и монополій. Коронѣ же принадлежало „purveyance" — право покупать припасы не по рыночной, а по своей цѣнѣ, такъ что государь могъ содержать дворъ и армію, сравнительно, на небольшія деньги. Такой же обычай въ Россіи вызываетъ горькія жалобы Флетчера [1]) на угнетеніе торговли. Наконецъ, со строптивыми членами парламента поступали сурово: ихъ наказывали денежною пеней, заключеніемъ въ Тоуэрѣ, иногда пожизненнымъ. Елизавета была государыня, полагавшая свою силу въ любви подданныхъ, и она сумѣла добиться любви большей части своего народа; для меньшинства же, упорныхъ католиковъ, она была незаконною государыней, проклятою главою церкви.

Религіозные вопросы, волновавшіе въ XVI столѣтіи всю западную Европу, дѣлили и англійское общество на враждебныя другъ другу партіи. Нетерпимость къ убѣжденіямъ другихъ — общая черта этого вѣка. При Маріи преслѣдовали протестантовъ; до 300 человѣкъ ихъ было сожжено, въ томъ числѣ 4 ребенка. Елизавета въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія не преслѣдовала католиковъ, но съ 1569 года начинаются противъ нихъ гоненія, усиливающіяся по мѣрѣ возростанія католическихъ интригъ вокругъ Маріи Стюартъ. До какой нетерпимости дошли протестанты, видно изъ того, что они считали турокъ лучшими христіанами, чѣмъ паписты; разносили и подвергали поруганію случайно сохранившіеся въ церквахъ остатки

Froude, History of England from the fall of Wolsey to the defeat of the Spanish Armada, т. V. London. 1872; *Knight*, Popular history of England, т. III; *Wade*, British history, Lond. 1839.

[1]) Стр. 57. (Флетчера и Горсея мы всегда цитуемъ по изданію *Бонда*, Lond. 1856).

католичества, напримѣръ, иконы, раки, мощи и т. п. Въ 1569 году въ Лондонѣ была сожжена вся обстановка часовни, найденной въ домѣ испанскаго купца, при крикахъ черни: „Вотъ испанскіе боги, жечь ихъ и ихъ поклонниковъ!" Слово „папистъ" стало синонимомъ „измѣнника". Само правительство старалось воспитать народъ въ такой ненависти къ католичеству: оно обязывало духовенство еженедѣльно говорить соотвѣтствующія проповѣди, предписывало въ каждой церкви имѣть на видномъ мѣстѣ вмѣстѣ съ Библіей сочиненія Эразма.

Вполнѣ законное и патріотическое поведеніе католиковъ въ тяжелый для Англіи 1588 годъ (годъ нашествія испанцевъ) оправдало ихъ въ глазахъ народа и правительства. Но послѣ пораженія общаго врага возникла сильная распря среди протестантовъ: правительство начало принимать суровыя мѣры противъ пуританъ. Пуритане, подъ названіемъ „нонконформистовъ" (noncomformists), замѣтно выступаютъ въ Англіи въ царствованіе Елизаветы. Сначала правительство относилось къ нимъ съ пренебреженіемъ; когда же оно увидѣло быстрые успѣхи этого ученія, то старалось остановить его пропаганду запрещеніемъ религіозныхъ сходокъ и проповѣдыванія слова Божія безъ разрѣшенія подлежащихъ властей; нѣкоторые наиболѣе ревностные проповѣдники пуританства кончили свою жизнь на кострѣ. Мѣры эти, конечно, не помогли: проникнутые глубокою, живою вѣрой, пуритане продолжали свою проповѣдь и пріобрѣтали все больше и больше сторонниковъ, даже среди самыхъ приближенныхъ къ Елизаветѣ лицъ; кончилось это тѣмъ, что вліянію пуританъ подпали всѣ стороны англійской жизни, но это случилось уже въ слѣдующемъ столѣтіи.

Ученіе католической церкви называлось „суевѣріемъ", но сами борцы противъ сего послѣдняго заражены были настоящимъ суевѣріемъ, то-есть, вѣрой въ волшебства. Вѣра въ вѣдьмъ, злыхъ духовъ, оборотней была всеобщею; въ каждомъ приходѣ находилось нѣсколько старухъ, слывшихъ среди населенія за вѣдьмъ; ихъ вліянію приписывали несчастья въ родѣ неурожая, засухи, дождливой погоды. Процессы противъ вѣдьмъ при Елизаветѣ оканчивались, обыкновенно, сожженіемъ мнимыхъ вѣдьмъ. Преемникъ Елизаветы, Іаковъ I, написалъ обширное сочиненіе „Демонологія", въ которомъ онъ тоже совѣтуетъ сжигать вѣдьмъ. Даже геній Шекспира не возвысился въ этомъ отношеніи надъ грубыми понятіями его соотечественниковъ.

Понятно, что при такомъ настроеніи умовъ астрологія и алхимія

имѣли много еще приверженцевъ. У Елизаветы былъ свой придворный астрологъ, знаменитый докторъ Ди, котораго она любила посѣщать въ его домѣ; въ 1587 этого самаго доктора Ди приглашали ко двору царя Θеодора Ивановича. Впослѣдствіи сынъ его, тоже Джонъ Ди, такой же ревностный астрологъ и алхимикъ, былъ придворнымъ врачемъ царя Михаила Θеодоровича. Извѣстный Бомелій присланъ былъ въ Россію изъ Англіи, гдѣ онъ получилъ свое образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ; по сказанію лѣтописей, онъ училъ Грознаго гаданію по звѣздамъ, такъ что въ суевѣріи англичане не только не уступали русскимъ, но даже были ихъ учителями въ „чернокнижіи". Англичане продолжали и въ царствованіе Елизаветы отыскивать составъ философскаго камня, но въ литературѣ уже подсмѣивались надъ занятіями людей, у которыхъ вѣчно не достаетъ только нобля [1]) для окончанія дѣла. Подсмѣиваясь надъ алхимиками, англійское общество вѣрило, однако, въ амулеты и чудесныя свойства камней: одинъ камень излѣчивалъ отъ глупости, другой прибавлялъ храбрости, третій предохранялъ отъ опьяненія и т. д.

Не смотря на столь сильное суевѣріе англійскаго общества, образованность англичанъ стояла, конечно, гораздо выше русской. Правительство дѣятельно старалось о просвѣщеніи народа и съ этою цѣлью открывало новыя учебныя заведенія; число высшихъ учебныхъ заведеній въ Англіи при Елизаветѣ увеличилось двумя—университетомъ въ Дублинѣ и высшею школою въ Вестминстерѣ. Высшія сословія, обыкновенно, посылали своихъ дѣтей для окончанія образованія въ Италію; этотъ обычай очень не нравился старикамъ, которые находили, что молодые люди возвращаются на родину атеистами и космополитами. Знаніе древнихъ языковъ было распространено даже среди женщинъ: Гентцнеръ, нѣмецкій путешественникъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что онъ заставалъ англійскихъ леди за чтеніемъ Платона. Литературное движеніе было очень сильно и ознаменовано славными именами Шекспира и его соперника Спенсера, буколика Туссера, историка Голиншеда и Гаклюйта, извѣстнаго издателя путешествій.

Тревожное положеніе страны сказывается на неправильной дѣятельности суда и на отсутствіи личной безопасности: заговоры католиковъ заставляли правительство часто прибѣгать къ полевымъ законамъ. Особенно винятъ тогдашнюю англійскую юстицію за ея безпо-

---

[1]) Нобль, англійская монета того времени.

щадное отношеніе къ бѣднякамъ. По усмиреніи возстанія 1569 года виновные были раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой отнесены лица, не имѣвшіе собственности; всѣ они повѣшены, между тѣмъ какъ это почти исключительно крестьяне, слѣдовавшіе за своими господами и даже не понимавшіе, почему они взялись за оружіе. Вторую категорію составили лица состоятельныя; относительно этихъ лицъ судъ входилъ въ разсмотрѣніе, выгодно ли для государства казнить ихъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣніе казненнаго должно было перейдти къ его родственникамъ, и тогда судъ предпочиталъ даровать жизнь, но конфисковать имѣніе.

По болѣе важнымъ дѣламъ судъ вѣдали лица, назначаемыя короною; обыкновенныя же дѣла рѣшали выборные судьи. Чанслоръ и Горсей хвалятъ русское судопроизводство, столь несложное, что каждый можетъ самъ вести свое дѣло; въ Англіи же необходимо было прибѣгать къ помощи адвокатовъ; это сословіе, богатѣвшее на счетъ другихъ, не пользовалось расположеніемъ общества. Наказанія, налагаемыя англійскими судами, не много разнились отъ русскихъ: заключеніе въ тюрьму, выставленіе къ позорному столбу, сѣченіе, обрѣзываніе ушей, выдергиваніе ноздрей, клейменіе, смертная казнь. Къ послѣднему роду наказанія въ Англіи прибѣгали гораздо чаще, чѣмъ въ Россіи; тамъ за первое воровство вѣшали. Пытка обязательно примѣнялась ко всѣмъ важнымъ преступникамъ; лордамъ не дѣлалось исключенія въ этомъ отношеніи.

Положеніе заключенныхъ въ тюрьмѣ было очень тяжелое; тюремные сторожа славились суровостью и умѣньемъ вымогать у заключенныхъ деньги. Весь день у тюрьмы раздавались голоса заключенныхъ, просившихъ милостыню у проходящихъ. Но находились все же и такіе люди, которые добровольно шли въ тюрьмы, чтобы прожить нѣкоторое время на казенный счетъ.

Экономическое положеніе страны было довольно тяжелое. Впрочемъ, причины такого положенія были переходящаго свойства: возмущенія, уничтоженія монастырей, войны.

Всѣ сословія жаловались на возрастающую дороговизну, много помѣщиковъ оставляло свои сельскіе дома и перебиралось на постоянное житье въ Лондонъ, гдѣ они могли жить значительно скромнѣе. Съ этого времени и начался быстрый ростъ Лондона. Университеты жаловались, что много молодыхъ людей не оканчиваетъ курса по причинѣ недостатка въ средствахъ. Бѣдность духовенства, кромѣ общихъ причинъ, имѣетъ еще спеціальную: съ перемѣной религіи

духовныя лица обзавелись семействами, а получали нисколько не больше, чѣмъ прежде. Общее неудовольствіе земледѣльцевъ возбуждали „Inclosures" — загороди: англійскіе землевладѣльцы, прельстившись выгодой, получаемою отъ продажи на фабрики шерсти, стали обращать пашни въ пастбища и загораживали мѣста, гдѣ пасли свой скотъ; тамъ, гдѣ прежде работало 60 плуговъ, теперь достаточно было 12. Уменьшеніе запашки повліяло на возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, а плохой *заработокъ* фабрикъ, вслѣдствіе сильной иностранной конкуренціи, заставлялъ понижать плату рабочимъ до минимума. Все это чрезвычайно увеличивало старинную язву Англіи—нищихъ и бродягъ. Дороги были очень небезопасны. При Генрихѣ VIII сожжено было до 22 тысячъ бродягъ; при Елизаветѣ было время, когда казалось, что судьи не въ состояніи справиться съ бродягами и мошенниками. Трактиры и гостинницы были переполнены этимъ людомъ; за кружку вина можно было нанять убійцу въ трактирѣ. Эти мошенники представлялись раненными солдатами, эпилептиками, моряками, потерпѣвшими кораблекрушеніе, заблудившимися спутниками; они блуждали по странѣ, прося милостыни, и высматривали при этомъ удобныя мѣста для совершенія преступленій. Низшіе чины полиціи часто бывали въ стачкѣ съ мошенниками, содержатели гостинницъ—ихъ укрывателями. Боялись мошенники только показываться на глаза судьѣ; тотъ наказывалъ ихъ безъ дальнѣйшихъ разбирательствъ. Для исцѣленія этой язвы правительство при Елизаветѣ не ограничивалось одними карательными мѣрами; были изданы законы, обязывавшіе приходы содержать своихъ бѣдныхъ, а для лѣнтяевъ стали учреждать рабочіе дома.

Тяжелое экономическое положеніе страны отразилось, конечно, и на торговлѣ. Торговцы жаловались на сильную иностранную конкуренцію: поселившіеся въ Англіи протестантскіе эмигранты сильно тѣснили своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Общество же жаловалось на крайнюю нечестность торговцевъ.

Къ царствованію Елизаветы относится начало всемірной внѣшней торговли англичанъ. Этому способствовали: вопервыхъ, отмѣна еще при Эдуардѣ VI ганзейскихъ привилегій, вслѣдствіе чего быстро начали образовываться торговыя компаніи, между прочимъ и знаменитое въ исторіи Россіи „Общество купцовъ, искателей открытія странъ и земель, острововъ, государствъ и владѣній не извѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ"; вовторыхъ, пріобрѣтеніе колоній. Англичане вывезли изъ Америки два важные продукта: картофель и

табакъ; но въ царствованіе же Елизаветы англичане начали и безчеловѣчную торговлю неграми: въ 1562 году адмиралъ Гавкинсъ вывезъ изъ Гвинеи три корабля съ живымъ грузомъ; два корабля принадлежали самой королевѣ. Въ 1582 году англійскій торговый флотъ состоялъ почти изъ 1,300 кораблей, на которыхъ числилось до 14 тысячъ моряковъ. Къ концу царствованія Елизаветы народное благосостояніе въ Англіи замѣтно поднимается, чему много способствовала экономическая политика государыни.

Частная жизнь англійскаго общества рѣзко отличалась отъ русской положеніемъ женщины; затворничество женщины окончательно убѣдило Флетчера въ томъ, что русскіе—варварскій народъ.

Въ англійскомъ обществѣ того времени не было соревнованія между различными сословіями; низшія безпрекословно признавали превосходство высшихъ, а послѣднія относились къ первымъ дружелюбно, безъ презрѣнія. Въ столицѣ центръ общества составлялъ дворъ. Елизавета была окружаема всегда величайшимъ почтеніемъ: на торжественныхъ выходахъ все предъ нею падало на колѣни; входящіе въ ея комнату, даже въ отсутствіе самой государыни, становились сначала на колѣни. Вокругъ государыни группировались ея „удѣльные князи" и „вотчинные бояре", по характерному выраженію русскихъ пословъ. Елизавета не любила, чтобъ ея придворные вступали въ бракъ безъ ея вѣдома, виновные подвергались денежной пенѣ и гнѣву государыни. На родственницахъ королевскаго дома запрещено было жениться; несчастныя сестры Джепъ Грей поплатились свободой за вступленіе въ бракъ.

Роскошь стала замѣтно распространяться во всѣхъ классахъ населенія. Деревянныя постройки въ городахъ замѣняются каменными. Въ архитектурѣ англичане старались подражать италіанскимъ постройкамъ; посылали въ Италію молодыхъ людей учиться строительному искусству, переводили италіанскія руководства и вызывали италіанскихъ архитекторовъ. Съ половины XVI вѣка перестаютъ, въ большинствѣ случаевъ, строить зданія въ одномъ какомъ-нибудь стилѣ, а предпочитаютъ смѣшеніе стилей. Во всеобщее употребленіе входятъ окна со стеклами; но стекло, вѣроятно, было очень плохаго качества, потому что англичане отдаютъ предпочтеніе русской слюдѣ. Одежды были гораздо разнообразнѣе нынѣшнихъ. Одѣвались очень тщательно, потому что—мѣтко замѣчаетъ Торнбёри—въ царствованія женщинъ всегда обращаютъ больше вниманія на костюмы. Высшія сословія одѣвались въ шелкъ и бархатъ,

мужчины и женщины. Елизавета была большая любительница нарядовъ: въ ея гардеробѣ было до 1000 платьевъ; до самой смерти она одѣвалась кокетливо; если она замѣчала, что платье какой-нибудь лэди красивѣе и лучше ея платья, то обыкновенно, отбирала понравившійся ей нарядъ, у провинившейся. Прочія сословія, разумѣется, старались подражать высшему, и многихъ лицъ страсть къ нарядамъ доводила до разоренія. Правительство думало остановить распространеніе роскоши запретительными законами, точно опредѣлявшими, изъ какой матеріи какому классу шить себѣ плащи, какой длины носить шпаги, какой высоты шляпы. Назначены были особые чиновники, на обязанности которыхъ лежало наблюдать за строгимъ исполненіемъ этихъ законовъ. Англійскія лэди того времени отличались особымъ пристрастіемъ къ духамъ и перчаткамъ. Дамскія перчатки были тогда рѣдкостью: Елизаветѣ при ея объѣздахъ представители городовъ подносили въ даръ, большею частью, перчатки; даже Оксфордскій университетъ поднесъ королевѣ перчатки при ея посѣщеніи. Духовныя лица и юристы всегда носили платья чернаго цвѣта. Въ это же царствованіе въ Англію впервые привезены были изъ Германіи карманные часы; счастливцы, обладавшіе ими, на гуляньяхъ и обѣдахъ поминутно вынимали ихъ на показъ, смотрѣли, не остановились ли часы, а заводили ихъ всегда во время обѣда съ особою торжественностью. Не одни русскіе, значитъ, дивились курантамъ и подобнымъ вещамъ.

Обѣдъ считался чѣмъ-то священнымъ; къ столу собиралась вся семья и старшіе служители. Обѣденный столъ раздѣлялся высокою солонкой: выше ея сидѣли члены семьи и ихъ гости, ниже—дворецкій, ловчій и т. п. Глава семьи сидѣлъ на самомъ высокомъ мѣстѣ. Вилокъ англичане еще не знали, ихъ стали вводить въ употребленіе нѣсколько позже, при Іаковѣ I, лица, пріѣзжавшія изъ Италіи. Замѣчательно, что высшее общество и горожане обѣдали раньше крестьянъ—первые около 12 часовъ, а вторые въ часъ. Юмъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что тогда всѣ почти забавы и увеселенія происходили при дневномъ свѣтѣ, а впослѣдствіи, напротивъ, стали устроиваться при свѣчахъ. Кушанья немного отличались отъ теперешнихъ; только повара, считавшіеся почти наравнѣ съ художниками, придавали блюдамъ самыя разнообразныя формы, заимствованныя, обыкновенно, изъ греческой миѳологіи. Пиво и вино были во всеобщемъ употребленіи; послѣднее было очень дешево. Послѣ обѣда обычными развлеченіями были: игра въ кости, карты; кромѣ того, англичане очень

любили пѣтушиные и медвѣжьи бои. Одни только пуритане возставали противъ этихъ кровавыхъ увеселеній. Елизавета, напротивъ, очень любила смотрѣть на медвѣжью травлю и часто показывала ее посланникамъ.

Видное мѣсто среди городскихъ развлеченій принадлежало театральнымъ зрѣлищамъ. Въ Лондонѣ было семь театровъ; только немногіе помѣщались въ закрытыхъ зданіяхъ, обыкновенно же партеръ былъ подъ открытымъ небомъ; за то и публика вела себя безъ церемоній: курила, громко болтала, играла въ кости во время представленій, которыя начинались въ два или три часа пополудни и продолжались часа два, три. Женскія роли играли мужчины. Заработокъ авторовъ піесъ былъ очень незначительный; напримѣръ, Шекспиръ за Гамлета получилъ 5 ливровъ; ничтожная плата заставляла авторовъ посвящать свои произведенія аристократамъ и богачамъ, отдаривавшимъ ихъ деньгами. Еще ничтожнѣе былъ заработокъ актеровъ, профессія которыхъ цѣнилась очень низко: провинціальныхъ актеровъ одно время велѣно было забирать, какъ бродягъ. Не смотря, однако, на такую непривлекательную внѣшность тогдашнихъ театровъ, ихъ репертуару могли бы позавидовать и современные; для тѣхъ театровъ сочинялъ свои піесы Шекспиръ.

Послѣ того какъ былъ вывезенъ изъ Америки табакъ, прибавилось новое развлеченіе—куреніе; модная молодежь училась курить, въ извѣстныхъ кружкахъ можно было пользоваться уваженіемъ только за умѣнье хорошо курить.

Провинціальная, сельская жизнь отличалась болѣе спокойнымъ, болѣе патріархальнымъ характеромъ. Сельскіе замки утрачиваютъ военный видъ; напротивъ, домъ помѣщика, ландлорда становится средоточіемъ для всего окрестнаго населенія. Помѣщикъ—другъ-патронъ всѣхъ; къ нему собираются для общихъ праздниковъ, подъ его же предводительствомъ крестьяне идутъ на войну. Сельское духовенство не пользовалось уваженіемъ; оно упало въ глазахъ общества вслѣдствіе своей бѣдности и безнравственности, что̀ не удивительно, такъ какъ лорды назначали пасторами своихъ дворецкихъ, ловчихъ, даже поваровъ. Пуритане жаловались, что духовныя лица совершаютъ службу „галопомъ" и тотчасъ по окончаніи присоединяются къ забавамъ и увеселеніямъ своей паствы. Строгаго соблюденія воскреснаго дня тогда не было; напротивъ, канунъ праздника и самый праздникъ были днями увеселеній и забавъ.

Подлѣ пастора мѣсто занималъ сельскій учитель. Тиранство, же-

стокость и невѣжество, по словамъ Дрека,—отличительныя свойства этого класса сельскаго общества; на одного знающаго приходится 20 невѣждъ. Одинъ, напримѣръ, не училъ сыновей больше, чѣмъ знали отцы, чтобы первые не возгордились надъ послѣдними; другой учитель сѣкъ учениковъ, чтобы согрѣться.

Фермеръ — самый симпатичный типъ того времени; онъ—консерваторъ по природѣ. Жилище его—прочный, деревянный домъ, но и въ этотъ домъ забиралась неслыханная прежде роскошь; къ тому же дороговизна земли и возвышеніе арендной платы, главнымъ образомъ, ложились на фермера. Къ своему помѣщику фермеръ былъ проникнутъ чувствомъ глубокой преданности: пообѣдать у помѣщика, посмотрѣть на обезьяну и попугая лэди было для фермера величайшимъ удовольствіемъ, о чемъ онъ послѣ долго разказывалъ своимъ сосѣдямъ. Жена фермера—его ближайшая помощница, собирательница лѣкарственныхъ травъ, семейный врачъ.

Положеніе крестьянина было очень незавидное. Жилище его—бѣдная хижина, крытая соломой, отличавшаяся отъ гумна только продѣланнымъ отверстіемъ для дыма. Всю жизнь крестьянинъ проводитъ за работой; ему гораздо чаще приходится разговаривать съ животными, чѣмъ съ людьми; думаетъ онъ только о своихъ работахъ, о своемъ обѣдѣ и объ уплатѣ ренты. Религію свою онъ всецѣло предоставляетъ вѣдѣнію господина; если послѣдній позволяетъ, онъ ходитъ въ церковь, но интересуется только молитвами о дождѣ и хорошей погодѣ. Высшее благо для него богатый урожай. Всю недѣлю онъ ведетъ себя очень скромно; только послѣ выгодной продажи на рынкѣ своихъ продуктовъ онъ позволяетъ себѣ выпить лишнее. Сельскія развлеченія — охота, состязанія и празднества, полныя старинныхъ дѣдовскихъ обычаевъ. Охотились, конечно, преимущественно помѣщики; дамы тоже, обыкновенно, принимали участіе въ этой забавѣ. Очень распространена была соколиная охота. Русскіе соколы и кречеты считались одними изъ самыхъ лучшихъ. Сельскія состязанія состояли въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ бѣгѣ, борьбѣ и т. п. Старики съ горестью видѣли, какъ ружье вытѣсняло лукъ, и что молодежь, поэтому, совсѣмъ оставила лукъ; прежде англичане славились въ Европѣ своимъ умѣньемъ стрѣлять изъ лука, но съ XVI вѣка это искусство сильно падаетъ.

Въ сельскихъ празднествахъ было много обычаевъ и обрядовъ, восходившихъ даже къ языческой порѣ. Пуритане относились очень враждебно къ этимъ народнымъ увеселеніямъ и видѣли въ нихъ козни

сатаны; подъ ихъ вліяніемъ изчезло много старинныхъ обычаевъ въ слѣдующемъ (XVII) столѣтіи. Еще незадолго до Елизаветинскаго времени праздниковъ было гораздо больше; изъ 92 праздниковъ протестанты сохранили только 27. Сельскіе праздники, большею частью, совпадали съ церковными. Пѣсни, пляски, состязанія, мимическія представленія — необходимыя принадлежности этихъ праздниковъ. Содержаніемъ для представленій чаще всего служилъ миѳъ о Робинъ Гудѣ, знаменитомъ англійскомъ разбойникѣ X вѣка. Самою любимою пляскою былъ мавританскій танецъ; аккомпанировали, обыкновенно, на волынкѣ. Особою популярностью пользовались праздники: Plough-monday (день плуга), зимній земледѣльческій праздникъ; разукрашенный плугъ носили по улицамъ съ пѣснями и плясками. May-day (1-е мая) самый веселый день: на канунѣ все населеніе отправлялось компаніями въ лѣсъ, гдѣ проводило цѣлую ночь; возвращаясь изъ лѣсу, приносили съ собою „Майское дерево", убирали его, и вокругъ начинался разгулъ; юноши переодѣвались въ женскія платья и такъ танцовали. Извѣстный пуританскій писатель Стебсъ упрекаетъ современниковъ за это празднество въ язычествѣ и крайней распущенности. Заключеніе рабочаго сезона праздновалось въ Harvest-day (день жатвы); по улицамъ возили процессіей послѣдній снопъ хлѣба. Рождественскими праздниками кончался годъ; на эти дни дома украшали зеленью (плющемъ, листьями каменнаго дуба); въ комнатахъ зажигали корни деревьевъ; вокругъ огня собиралось все семейство, по очереди разказывали сказки. Переодѣванья, маски и пѣсни составляли необходимую принадлежность рождественскихъ праздниковъ.

Таковы были англичане дома. Горячій патріотизмъ, вѣра въ самихъ себя одушевляла ихъ; они храбро и успѣшно боролись съ могущественною Испаніей, поддерживая на континентѣ Европы протестантовъ противъ ненавистныхъ имъ „папистовъ"; они плавали на своихъ корабляхъ по всѣмъ морямъ, нападая на непріятельскіе корабли, отыскивая себѣ новыя земли, новыя богатства. Но эта вѣра въ самихъ себя, эти успѣхи были причиной ихъ высокомѣрнаго отношенія къ другимъ народамъ: на однихъ они смотрѣли свысока, потому что помогали имъ, другихъ же ненавидѣли и презирали, какъ своихъ несчастливыхъ враговъ. Съ своими ближайшими сосѣдями, шотландцами, англичане вели постоянныя распри, кончавшіяся набѣгами: выжгутъ до тла нѣсколько округовъ другъ у друга и успокоятся на время.

Отношенія къ ирландцамъ, подвластнымъ Англіи, въ XVI вѣкѣ

были таковы, что становится вполнѣ понятною ненависть этого народа къ своимъ властителямъ. Для усмиренія ирландцевъ, католиковъ, непріязненно относившихся къ Елизаветѣ и часто волновавшихся, англійскіе правители прибѣгали къ самымъ вѣроломнымъ, кровавымъ мѣрамъ. Когда Эссексъ, обманомъ заманивъ въ 1575 году ирландскаго вождя, Бріана, ночью перебилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ ирландцевъ, то Елизавета въ письмѣ назвала Эссекса „лучшимъ украшеніемъ своего дворянства". Назначенный товарищемъ Эссексу Друри приговаривалъ по суду несчастныхъ ирландцевъ къ повѣшенію и четвертованію. Но эти жестокости блѣднѣютъ предъ кровавымъ усмиреніемъ ирландскаго бунта 1579 года. При взятіи крѣпостей англичане избивали всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста; Мюнстеръ (южная часть Ирландіи) опустѣлъ до того, что тамъ не было слышно „ни мычанія коровъ, ни голоса пахаря". Подъ конецъ возстанія англичане до того освирѣпѣли, что даже въ мѣстахъ, гдѣ было спокойно, убить ирландца считалось столь же позволительнымъ, какъ и бѣшеную собаку. Особенно тягостнымъ было положеніе низшихъ классовъ ирландскаго населенія: если они оставались вѣрны англійскому правительству, имъ грозила смерть отъ единоплеменниковъ за измѣну; если же они слѣдовали за народнымъ вождемъ, то англичане выжигали все ихъ имущество и рано или поздно настигали ихъ и казнили безпощадно.

II.

Извѣстно, что въ 1553 году англичане открыли, какъ они выражались, Россію. Это открытіе имъ хотѣлось поставить наравнѣ почти съ Колумбовымъ, но оно служитъ только доказательствомъ скудости ихъ географическихъ познаній. Даже нельзя сказать, что они открыли новый путь въ Россію чрезъ Бѣлое море, потому что путь этотъ былъ уже извѣстенъ западной Европѣ; англичане только первые воспользовались этимъ путемъ для торговыхъ сношеній. Экспедиція, открывшая для англичанъ Россію, снаряжена была „обществомъ купцовъ, искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній, не извѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ". Изъ трехъ кораблей, составлявшихъ эту экспедицію, два принуждены были остановиться на зимовку въ устьѣ рѣчки Арзины (на Лапландскомъ берегу); экипажъ обоихъ кораблей погибъ отъ холода, о которомъ англичане тогда не имѣли понятія. Третій

же корабль, „Эдуардъ Благое Предпріятіе", отдѣлившійся во время бури отъ двухъ остальныхъ, благополучно бросилъ якорь въ устьѣ Сѣверной Двины, противъ монастыря св. Николая, 24-го августа 1553 года. Начальникомъ этого корабля былъ Ричардъ Чанслоръ.

Мѣстные жители дали знать объ этомъ событіи въ Москву; оттуда было послано Чанслору ласковое приглашеніе пріѣхать, если онъ въ состояніи перенести продолжительный переѣздъ, въ столицу Московскаго государства.

Прибытіе англичанъ было какъ нельзя болѣе кстати. Царь Иванъ Васильевичъ видѣлъ, что русскимъ не достаетъ техническихъ знаній и орудій для успѣшной борьбы съ ихъ западными сосѣдями— шведами, ливонцами, литовцами и поляками; поэтому онъ, старался завязать сношенія съ западною Европой. Но и сосѣднія государства очень хорошо понимали, какъ вредно для нихъ дать усилиться Московскому царю; они ревниво смотрѣли за сношеніями Московскаго государя съ иностранными западными державами и не пропускали иностранцевъ, ѣхавшихъ на службу въ Россію. Понятны удовольствіе и радость Грознаго, когда онъ узналъ, что англичане открыли путь въ Россію, которымъ она можетъ сноситься съ западною Европой, минуя своихъ завистливыхъ сосѣдей. Чанслоръ и его свита были обласканы царемъ въ Москвѣ; англичанамъ не только дозволено было торговать въ Россіи, но и пожалованы были значительныя привилегіи.

По возвращеніи Чанслора въ Англію, тамъ изъ членовъ общества, снарядившаго экспедицію 1553 года, образовалась компанія для торговли съ Россіей. Компанія эта извѣстна подъ названіемъ „Московской"; ей пожалована была монополія на торговлю съ Россіей. Въ Россіи она пользовалась такими привилегіями, какихъ не имѣли другіе иностранцы, торговавшіе тамъ; ей дано было право на безпошлинную торговлю; отведены были дома въ пяти городахъ: у монастыря св. Николая, въ Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ и Москвѣ; въ другихъ же городахъ она могла имѣть свои конторы; ея агенты и факторы свободно разъѣзжали по всей Россіи, искали путей въ Сибирь, въ Китай, ѣздили съ товарами въ Персію; на агентовъ компаніи московское правительство часто возлагало порученія торговыя и политическія. Не всегда, конечно, дѣла компаніи въ Россіи шли хорошо: Іоаннъ Грозный, разсердившись за что-нибудь, клалъ на нихъ опалу, отбиралъ товары, требовалъ полныхъ пошлинъ (съ половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія съ англичанъ брали обык-

новенно половинныя пошлины); но въ общемъ компанія получала большую прибыль отъ торговли съ русскими[1]). Лица, служившія агентами и факторами, живали въ Россіи по нѣскольку лѣтъ; многіе изъ нихъ пріѣзжали въ Россію въ молодыхъ лѣтахъ „учениками", а впослѣдствіи становились факторами и даже главными агентами; очень многіе изъ нихъ знали русскій языкъ; знать же условія, порядки и обычаи русской жизни было ихъ обязанностью: убытокъ ставился на счетъ агенту, если причиной его была нераспорядительность или незнаніе агента.

Изъ предыдущаго видно, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ жили англичане въ Россіи, какими преимуществами они пользовались предъ другими иностранцами. Эти условія и были причиной того, что англійскія извѣстія о Россіи за вторую половину XVI столѣтія отличаются большею полнотой и обстоятельностью сравнительно съ извѣстіями за это же время иностранцевъ, принадлежавшихъ къ другимъ народамъ.

Извѣстія англичанъ о Россіи XVI вѣка почти всѣ напечатаны въ собраніи Гаклюйта. Ревностный къ славѣ своихъ соотечественниковъ, этотъ знаменитый собиратель путешествій поставилъ задачей своей жизни сдѣлать извѣстными образованному міру всѣ путешествія, совершенныя когда-либо англичанами. Въ 1589 году Гаклюйтъ уже издалъ большой томъ in folio, но на этомъ онъ не остановился и черезъ 11 лѣтъ издалъ уже три тома in folio подъ заглавіемъ: „Collection of early voyages, travels and discoveries of the English nation". Это второе изданіе значительно подробнѣе перваго въ занимающей насъ части, посвященной путешествіямъ въ Россію и чрезъ Россію. Во второмъ изданіи, сравнительно съ первымъ, опущенъ только дневникъ Николая Чанслора, но опущеніе его какъ это будетъ видно ниже, не составляетъ потери. Слѣдуетъ замѣтить только, что въ изданіи 1589 года исправнѣе и вѣрнѣе (по замѣчанію Гамеля)[2]) напечатаны первыя льготныя грамоты царя Ивана Васильевича, именно титулъ царя; а во второмъ изданіи Гак-

---

[1]) Подробности о жизни англичанъ въ Россіи см. у *Гамеля*: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. С.-Пб. 1865—1869, также предисловіе *Ю. В. Толстаго* къ его сборнику „Россія и Англія" (1553—1593 годовъ). С.-Пб. 1875. Въ предисловіи подробно разказана исторія политическихъ сношеній между двумя государствами.

[2]) *Гамель*, стр. 28.

ставляетъ исключенія, но за то пышность и великолѣпіе царскихъ выходовъ, стола и одежды не имѣютъ себѣ равныхъ и превосходятъ все, что авторъ видѣлъ въ Англіи и Франціи.

Московскій царь ведетъ постоянныя войны и содержитъ огромное войско отъ 200,000 до 300,000 человѣкъ, но содержаніе войска царю ничего не стоитъ, такъ какъ каждый дворянинъ — земледѣльцевъ и торговцевъ царь никогда не беретъ въ солдаты—получаетъ участокъ земли, за что обязанъ по первому требованію явиться на призывъ царя съ лошадью, припасами и фуражемъ. Неприхотливость и суровость жизни русскихъ воиновъ, равно какъ и послушаніе ихъ царю, удивительны: зимой они стоятъ въ полѣ безъ всякихъ палатокъ и прикрытій, питаются только толокномъ и, не смотря на всѣ трудности, не смотря на то, что ничего не получаютъ отъ царя за свою службу, они сами униженно просятъ царя посылать ихъ на войны, и тотъ считается въ наибольшей милости у царя, кого чаще всего посылаютъ. Военной дисциплины и искусства у нихъ вовсе нѣтъ; если же къ ихъ силамъ прибавить просвѣщеніе, то два сильнѣйшие монарха едва ли могли бы бороться съ ними, а отъ сосѣдей ихъ ничего не осталось бы. Русское судопроизводство значительно разнится отъ англійскаго; въ одномъ отношеніи ихъ порядокъ похваленъ: у нихъ нѣтъ вовсе юристовъ, а каждый самъ ведетъ свое дѣло. Тяжущіеся въ случаѣ недостатка въ уликахъ могутъ потребовать поле, но сами рѣдко борются; большею частью нанимаютъ борцовъ; это сословіе очень продажно, и дѣло рѣдко обходится безъ злоупотребленій. Въ другихъ случаяхъ дѣло рѣшается крестнымъ цѣлованіемъ. Къ полю и крестному цѣлованію прибѣгаютъ при недостаткѣ уликъ. Царь самъ занимается рѣшеніемъ дѣлъ; къ сожалѣнію, его часто обманываютъ, не смотря на строжайшія наказанія такихъ обманщиковъ. Наказанія, налагаемыя на мошенниковъ, легче, чѣмъ въ Англіи: казнятъ только уличенныхъ въ этихъ проступкахъ въ третій разъ. Нищихъ и бѣдныхъ въ странѣ очень много; нѣкоторые изъ нихъ предпочитаютъ жизнь въ тюрьмѣ свободѣ, потому что въ тюрьмѣ они получаютъ даровое пропитаніе, хотя ихъ тамъ сѣкутъ чрезмѣрно. Вообще русскій народъ очень склоненъ къ обману.

Религію русскіе исповѣдуютъ греческую, наполненную неслыханныхъ суевѣрій. Вся служба совершается на русскомъ языкѣ. Они поклоняются образамъ, но не допускаютъ въ церквахъ изваянныхъ изображеній. Причащаются подъ обоими видами; посты соблюдаютъ чрезвычайно строго. Духовныхъ лицъ въ Россіи очень много, осо-

бенно черного духовенства. Монахамъ принадлежитъ вдвое больше земель, чѣмъ великому князю; монахи ведутъ самый развратный образъ жизни.

Вотъ содержаніе сочиненія Чанслора. Это сочиненіе болѣе извѣстно въ переработкѣ Климента Адамса, составившаго описаніе Московіи на латинскомъ языкѣ, преимущественно со словъ Чанслора. Какъ человѣкъ образованный (онъ былъ учителемъ пажей королевы Маріи Тюдоръ), Адамсъ придалъ своему описанію литературную форму. Онъ разказываетъ о причинахъ снаряженія экспедиціи 1553 года и сообщаетъ нѣкоторыя біографическія данныя о Ю. Уилльби и Ричардѣ Чанслорѣ; далѣе описывается плаваніе до береговъ Бѣлаго моря, прибытіе Чанслора къ устью Двины и путешествіе его въ Москву. Адамсъ значительно пополнилъ слабый отдѣлъ сочиненія Чанслора—географію Россіи; прибавилъ, между прочимъ, извѣстіе о московитянахъ-идолопоклонникахъ, поклоняющихся Золотой Бабѣ, о способѣ постройки русскихъ домовъ, о русскихъ одеждахъ и проч. Далѣе Адамсъ позволилъ себѣ сдѣлать измѣненія въ отдѣлѣ о религіи: наставникъ въ царствованіе Маріи не могъ такъ выражаться, какъ посланникъ Эдуарда VI, и Адамсъ исключилъ отзывы о русскомъ суевѣріи, о распущенности духовенства, объ имѣніяхъ монастырей, о возстановленіи которыхъ въ Англіи такъ дѣятельно хлопотала Марія. Вообще сочиненіе Адамса (стр. 270—284) полнѣе и доступнѣе Чанслорова.

Дополненіемъ къ этимъ сочиненіямъ можетъ служить замѣтка Джона Гассе (стр. 285—287) „О монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ, употребляемыхъ въ Россіи". Русскія монеты, почти исключительно серебряныя, вотъ онѣ: полденьга, деньга, алтынъ и рубль; новгородка равняется двумъ деньгамъ. Вѣсовыхъ мѣръ двѣ: большой фунтъ и малый (гривенка). Пудъ=40 фунтамъ=80 гривенкамъ. Гривенка дѣлится на 48 золотниковъ. Мѣръ длины тоже двѣ: аршинъ и локоть, первый равенъ фламандскому футу, второй — половинѣ англійскаго аршина. Зерна они мѣряютъ на четверти и осьмины; осьмина = полчетверти; напитки—жбанами. Затѣмъ Гассе говоритъ о таможенныхъ пошлинахъ и сборахъ; армяне и турки платятъ десятую деньгу со всѣхъ товаровъ, кромѣ того, за взвѣшиваніе товаровъ платятъ по 2 деньги съ рубля; также берутъ пошлину съ лошадей, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ равняется 4 деньгамъ съ лошади. Голландцы прежде были освобождены отъ этихъ пошлинъ, но потеряли эту привилегію за дурные поступки; нынѣшнимъ лѣтомъ они добились

возстановленія привилегіи, но за это заплатили 30,000 рублей, и кромѣ того, города Рига, Дерптъ и Ревель добровольно подчинились Русскому царю (!). Затѣмъ Гассе перечисляетъ предметы торговли, почти тѣ же самые, что̀ Чанслоръ. Онъ отмѣчаетъ, что самъ царь Московскій ведетъ большую торговлю соболями и воскомъ; изъ городовъ Вологда самый удобный для учрежденія тамъ центральной конторы англичанъ.

Въ письмѣ Киллингворса, отъ 22-го ноября 1555 года (стр. 292—295), заключается отчетъ о прибытіи торговыхъ агентовъ московской компаніи въ Россію, ихъ пріемѣ и переговорахъ съ дьякомъ Висковатымъ объ учрежденіи складочныхъ конторъ.

Обращаемся къ сочиненіямъ второго періода (1556—1588 годовъ); ихъ можно раздѣлить на три разряда: 1) описаніе плаваній по Сѣверному океану; 2) описаніе путешествій по Россіи и замѣтки путешественниковъ, проѣзжавшихъ чрезъ Россію; 3) письма и замѣтки о русскихъ дѣлахъ.

Въ 1556 г. Стефану Борро, который въ 1853 году былъ помощникомъ Чанслора на кораблѣ „Эдуардъ Благое Предпріятіе", поручено было продолжать розыски морскаго пути въ Китай, то-есть, до устья рѣки Оби, вытекавшей по тогдашнимъ понятіямъ изъ Китайскаго озера. Но Борро удалось проникнуть только на 12 лье восточнѣе устья рѣки Печоры; дальше острова Вайгача онъ не могъ плыть, главнымъ образомъ, по причинѣ массы встрѣчнаго льда, противныхъ вѣтровъ и наступавшихъ уже тамъ длинныхъ ночей. Въ слѣдующемъ году онъ же ѣздилъ изъ Холмогоръ къ Вардгузу на поиски кораблей: „Bona Esperanza", „Bona confidentia" и „Philip and Mary". Корабли эти отплыли 20-го іюля 1556 года изъ Россіи и объ участи ихъ ничего не было извѣстно.

Борро велъ дневники обоихъ плаваній. Дневники эти отличаются однимъ характеромъ: авторъ по числамъ и днямъ записываетъ направленіе вѣтра, состояніе погоды, курсъ, встрѣчныя теченія, бухты, заливы, острова, результаты промѣрки—очень точный и цѣнный географическій матеріалъ; но кромѣ того, въ обоихъ дневникахъ попадаются данныя о встрѣчахъ съ русскими моряками, ихъ судахъ, отношеніи къ англичанамъ; описаніе приморскихъ городовъ Кегора, Колы, Вардгуза и др., русской торговли въ Лапландіи, споровъ съ датчанами; есть также наблюденія надъ самоѣдами и лопарями. Ко второму дневнику приложенъ довольно длинный рядъ словъ лопарей съ англійскимъ переводомъ. Строго фактическій характеръ, отсутствіе

всякой тенденціозности, дѣлаютъ сочиненіе Борро очень цѣннымъ для исторіи сѣверной окраины. (Первый дневникъ стр. 306—316, второй стр. 324—329).

Плававшій вмѣстѣ съ Борро, Рич. Джонсонъ въ своихъ замѣткахъ (стр. 316—318) даетъ живое описаніе самоѣдовъ и ихъ религіозныхъ обрядовъ.

Въ 1568 году Басендину, Вудстоку и Броуну поручены были розыски морскаго пути къ востоку отъ устья Печоры; не извѣстно, состоялась ли эта экспедиція; по крайней мѣрѣ, извѣстій о ней нѣтъ; сохранилась только инструкція (стр. 430), данная этимъ лицамъ Рандольфомъ; въ основу инструкціи легли свѣдѣнія, добытыя Ст. Борро.

Надежда найдти, не смотря на предшествовавшія неудачи, морской путь въ Китай не покидала англичанъ. Въ 1580 году снаряжена была новая экспедиція изъ двухъ кораблей подъ начальствомъ Пета и Джекмана. Экспедиція эта возбудила живѣйшій интересъ въ Англіи и отчасти въ Европѣ, что̂ видно изъ нѣсколькихъ инструкцій, данныхъ Пету и Джекману; такихъ инструкцій составлено было четыре въ Англіи; знаменитый географъ Меркаторъ писалъ по этому поводу Гаклюйту, что путешествіе въ Китай будетъ, безъ сомнѣнія, очень легко и непродолжительно (expeditissima sane par Orientem in Cathaium est navigatio). Но конечно, экспедиція кончилась неудачей: корабль Пета проникъ немного восточнѣе Вайгача и принужденъ былъ вернуться. Корабль Джекмана пропалъ безъ вѣсти; можно съ большою вѣроятностью утверждать, что онъ добрался до устья Оби, въ которомъ потерпѣлъ крушеніе, а экипажъ его былъ перебитъ самоѣдами [1]). Объ этомъ плаваніи сохранились два дневника: Смита (стр. 502—511) и Ник. Чанслора, сына знаменитаго Рич. Чанслора (первое изданіе стр. 470). Оба автора находились на кораблѣ Пета; основу обоихъ дневниковъ составляетъ, очевидно, журналъ, веденный на этомъ кораблѣ, и потому они, большею частью, тожественны; только дневникъ Смита обнимаетъ все время плаванія, а Ник. Чанслора—съ 1-го іюля по конецъ сентября. Извѣстія этихъ дневниковъ имѣютъ только географическій интересъ.

Послѣ этой неудачи англичане уже не снаряжали экспедицій для той цѣли; но тѣмъ не менѣе продолжались розыски пути къ рѣкѣ

---

[1]) Такъ писали Мершу жители Пустоозерска въ 1584 г.; см. *Purchase*, т. III, стр. 804.

Оби. Очень интересное письмо четырехъ русскихъ къ Ант. Мершу напечатано у Порчеза, томъ III, 804, въ англійскомъ переводѣ; въ немъ говорится о дорогахъ отъ Печоры до устья Оби и о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ авторы письма согласны совершить путешествіе къ Оби. Тутъ же напечатанъ и краткій разказъ Мерша объ этомъ путешествіи. Московское правительство отнеслось неодобрительно къ попыткѣ англичанъ завязать торговыя сношенія съ сибирскими инородцами, и англичане должны были на время оставить свои попытки.

Одновременно съ розысками морскаго пути въ Китай чрезъ Сѣверный океанъ англичане искали сухопутнаго пути въ тотъ же Китай, Индію и Персію чрезъ русскія владѣнія. Первый, на кого была возложена эта обязанность, былъ Антоній Дженкинсонъ.

Дженкинсонъ былъ человѣкъ бывалый; еще до своего поступленія на службу компаніи онъ много путешествовалъ; онъ побывалъ почти во всѣхъ городахъ Западной Европы, былъ въ Турціи, Греціи, Палестинѣ, Алжирѣ, Триполи и Тунисѣ. Въ его разказахъ замѣтно стремленіе преувеличивать свои опасности и подвиги. Nemo gloriosior milite. Несомнѣнно, что это былъ очень ловкій и способный агентъ: его очень полюбилъ и дорожилъ имъ Грозный, Ширванскій царь также впослѣдствіи вспоминалъ о немъ. Преувеличиванія подвиговъ не много вредятъ достоинству его записокъ: онѣ интересны не его приключеніями, а тѣми дѣйствительно цѣнными географическими данными, которыя въ нихъ заключаются. Первыя три путешествія описаны Дженкинсономъ въ формѣ дневниковъ. Очевидно, онъ велъ журналы, на основаніи которыхъ впослѣдствіи описывалъ свои странствованія, присоединяя иногда очень обширныя замѣчанія о географическомъ положеніи страны, объ учрежденіяхъ, религіи и нравахъ ея жителей.

Первое путешествіе Дженкинсона изъ Лондона въ Москву (стр. 346—351), заключаетъ въ себѣ описаніе Финмаркена, Лапландіи, пути по Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ до Вологды, почтоваго пути отъ Вологды до Москвы, съ названіемъ всѣхъ ямовъ; далѣе обычное у всѣхъ посланниковъ описаніе царскаго пріема и стола и т. п. Русскій царь очень могущественъ: онъ завоевалъ много земель у своихъ сосѣдей; народъ свой онъ держитъ въ большомъ подчиненіи. Русскіе очень любятъ выпить; они величайшіе лжецы и льстецы. Жены у нихъ во всемъ слушаются мужей и содержатся взаперти. Описаніемъ одежды, упряжи и вооруженія оканчиваются замѣтки Дженкинсона о русскихъ.

Одновременно съ Дженкинсономъ зиму 1557—1558 года прожилъ въ Москвѣ одинъ неизвѣстный англичанинъ, служившій въ аптекарскомъ приказѣ, какъ это видно изъ его „Описанія Россіи“. Гамель и Толстой хотятъ въ немъ видѣть Роберта Веста; мнѣ кажется, что оба изслѣдователя не обратили вниманія на письмо Гаутри, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ Лана, агента компаніи, о пріѣздѣ Веста въ Вологду 30-го января 1557 года; авторъ же описанія, очевидно, выѣхалъ изъ Англіи 12-го мая 1557 года, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непеемъ, а Вестъ могъ только пріѣхать въ Англію не раньше іюля 1557 года; кромѣ того, по всему описанію видно, что авторъ новичекъ, только что пріѣхавшій въ Россію.

„Описаніе Россіи“ (стр. 351—362) вставлено Гаклюйтомъ между описаніями путешествій Дженкинсона изъ Лондона въ Москву и изъ Москвы въ Бухару. Оно дѣйствительно служитъ дополненіемъ къ краткимъ замѣткамъ Дженкинсона о Россіи и русскихъ.

Авторъ описанія, разказывая о своемъ пребываніи въ Москвѣ, останавливается преимущественно на церковныхъ и дворцовыхъ церемоніяхъ и обрядахъ: царскіе обѣды и пріемы, водоосвященіе, процессія на вербное воскресенье, пасхальные обычаи описаны очень живо; особенно же интересно описаніе смотра московской артиллеріи. Ежегодно въ декабрѣ царь, по словамъ автора, производитъ смотръ артиллеріи. Для этого на полѣ за Москвой строятъ два дома, наполненные землей; толщина домовъ футовъ 30. Въ назначенный день на полѣ производится пальба, въ присутствіи царя и его свиты, въ эти дома, которые послѣ трехъ залповъ бываютъ разбиты въ дребезги. Передъ пушечною пальбой стрѣляютъ пищальники, числомъ до 5,000; они своими выстрѣлами разбиваютъ поставленныя ледяныя стѣнки.

Авторъ пораженъ могуществомъ и величіемъ Грознаго: „Царь не любитъ забавъ, а все свое удовольствіе полагаетъ въ служеніи Богу и покореніи враговъ, которыхъ у него не мало, но онъ столько же ихъ боится, какъ ястребъ жаворонковъ“. Если онъ приказываетъ кому-нибудь идти, тотъ бѣжитъ; если онъ скажетъ гнѣвное слово, то виновный не смѣетъ являться ко двору, пока его не позовутъ.

Митрополитъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ; самъ царь въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступаетъ ему первенство; духовныя дѣла митрополитъ рѣшаетъ самовластно, онъ даже имѣетъ право казнить. Монаховъ и монахинь очень много, равно какъ богатыхъ монастырей, среди которыхъ особенно замѣчателенъ Троицкій. Монастыри сла-

вятся своимъ гостепріимствомъ и помощью, которую они оказываютъ бѣднымъ; монастыри же ведутъ самую обширную торговлю въ Россіи. Народныхъ учителей въ Россіи вовсе нѣтъ; поэтому народъ живетъ въ полномъ невѣжествѣ. Въ концѣ авторъ описываетъ обряды, соблюдаемые при крещеніи, бракѣ и погребеніи.

Приложеніемъ къ „Описанію Россіи" служитъ перечень русскихъ напитковъ, составленный нѣкимъ Буллемъ.

Проживъ въ Москвѣ зиму 1557—1558 годовъ, Дженкинсонъ отправился съ царскими грамотами въ Бухару, съ намѣреніемъ пробраться оттуда въ Китай. Въ Москвѣ онъ сѣлъ на судно и плылъ по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани (описаніе этого путешествія стр. 362—375). Онъ перечисляетъ всѣ города, стоявшіе при рѣкахъ на его пути, и указываетъ ихъ достопримѣчательности; совсѣмъ не такъ внимательно Дженкинсонъ отнесся къ рѣкамъ, впадающимъ въ Оку и Волгу: изъ притоковъ Оки, кромѣ, разумѣется, Москвы, не указано ни одного, а изъ притоковъ Волги названы только Ока, Казанка и Кама. Онъ описываетъ землю вятчанъ, черемисовъ и ногайцевъ. Среди послѣднихъ въ это время (1558 г.) былъ ужасный голодъ, много народу умирало, и трупы валялись безъ погребенія. Много ногайцевъ приходило въ Астрахань и просило помощи у русскихъ; но русскіе были рады такому несчастію своихъ злѣйшихъ враговъ и помогали очень неохотно: большую часть прогоняли обратно, а мальчиковъ и дѣвочекъ продавали въ рабство: родители-ногайцы продавали ребенка за кусокъ хлѣба, цѣною въ 6 пенсовъ. Въ Астрахани Дженкинсонъ обратилъ вниманіе на торговлю города; по его отзыву, она ничтожна.

Отсюда онъ уже на морскомъ судиѣ отплылъ въ сообществѣ съ татарскими купцами въ Каспійское море, къ Мангишлаку. Изъ описанія этой части пути видно, что Дженкинсонъ имѣлъ смутное представленіе о Каспійскомъ морѣ; такъ, заливъ Мертвый Култукъ (нынѣ заливъ Цесаревича) онъ считаетъ южнѣйшею частью Каспійскаго моря. Еще сбивчивѣе описаніе пути отъ Мангишлака до Бухары; это тѣмъ болѣе жаль, что Дженкинсонъ единственный европеецъ, побывавшій въ этомъ краю въ XVI вѣкѣ, и показанія его о рѣкѣ Оксѣ много даютъ по вопросу о старомъ руслѣ этой рѣки, недавно возбудившему общее вниманіе. Главная ошибка Дженкинсона заключается въ томъ, что онъ шелъ по степи къ востоку отъ Каспійскаго моря, а онъ полагалъ, что идетъ почти паралельно берегу этого моря; поэтому онъ принялъ озеро Сарыкамышъ за заливъ Каспійскаго моря;

а рѣка Оксъ (Аму-Дарья) незадолго еще до его прихода впадала въ этотъ заливъ, то-есть, на самомъ-то дѣлѣ въ Сарыкамышъ. Такимъ образомъ, если показанія Дженкинсона и не подтверждаютъ прямо мнѣнія о впаденіи Аму въ Каспійское море, то онѣ констатируютъ такой любопытный фактъ, какъ соединеніе Аральскаго моря съ озеромъ Сарыкамышемъ. Далѣе Дженкинсонъ говоритъ, что теперь Оксъ впадаетъ въ рѣку Ардокъ, которая течетъ къ сѣверу на протяженіи 1000 м., затѣмъ скрывается подъ землей и протекаетъ такъ еще 500 м., выходитъ изъ-подъ земли и впадаетъ въ озеро Китай. Полагаютъ, что подъ словомъ „Ардокъ" надо разумѣть Аральское море [1]).

Послѣ долгихъ странствованій Дженкинсонъ прибылъ въ Бухару, гдѣ онъ былъ принятъ хорошо, благодаря грамотѣ Грознаго. Здѣсь онъ провелъ зиму 1558—1559 года и собиралъ свѣдѣнія о торговлѣ съ Китаемъ, Индіей и Персіей. По его словамъ торговля въ Бухарѣ незначительна, хотя сюда собираются караваны изъ Китая, Индіи, Персіи, Россіи и другіе; а главное, что сукна англійскія, важнѣйшій предметъ ихъ торговли, нельзя продавать здѣсь съ выгодой. Изъ Бухары Дженкинсонъ думалъ ѣхать въ Китай или Персію; но войны кочевниковъ съ Ташкентомъ и Кашгаромъ, лежавшими на пути въ Китай, не позволили ему привести въ исполненіе первый планъ, а война между Бухарой и Персіей—второй, и онъ тѣмъ же путемъ вернулся въ Россію, везя съ собою 25 русскихъ, освобожденныхъ имъ изъ рабства, и посланниковъ къ Русскому царю отъ государей Бухары, Балха, Ургенча и другихъ.

Спутникъ Дженкинсона, Рич. Джонсонъ собралъ свѣдѣнія отъ татарскихъ купцовъ о дорогахъ изъ Астрахани до Китая: Астрахань, Серайчикъ, Бухара, Кашгаръ и Китай—вотъ главные пункты этого пути, для совершенія котораго нужно до 100 дней (стр. 375—376).

Другой англичанинъ Гольмсъ получилъ свѣдѣнія о дорогѣ въ Китай отъ одного пермяка, будто бы бывшаго въ Китаѣ. Этотъ маршрутъ идетъ отъ Двины къ Печорѣ, потомъ къ Оби; до конца онъ не доведенъ (стр. 377).

Второй разъ Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Москву, чтобъ оттуда проѣхать въ Персію и разузнать, нельзя ли завести выгодной торговли съ персами. Это путешествіе было совершено въ 1561—1563 гг.; въ описаніи его интересно для русскаго историка только начало, гдѣ

---

[1]) См. *Лоштинъ*, Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. С.-Пб. 1879, стр. 42 и сл.

упоминается о праздновaніи второй свадьбы Грознаго и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя сначала встрѣтилъ Дженкинсонъ при Московскомъ дворѣ (стр. 384); остальное посвящено странствованіямъ Дженкинсона по Персіи. Разказъ его, какъ онъ научилъ Грузинскаго царя обратиться за помощью въ Москву, не вполнѣ достовѣренъ, потому что эти цари и раньше обращались въ Москву.

Послѣ Дженкинсона Англичане предприняли еще пять путешествій въ Персію (стр. 395—37, 397—406, 437—440, 443—446, 471—486). Обычный маршрутъ ихъ — отъ порта св. Николая до Ярославля, оттуда Волгой до Астрахани и Каспійскимъ море въ Персію. Въ описаніяхъ этихъ путешествій почти вовсе нѣтъ данныхъ о Россіи; исключеніе составляетъ описаніе послѣдняго путешествія въ Персію 1579—1591 гг. (стр. 471—486) Христ. Борро. Въ описаніи пути по Волгѣ онъ разказываетъ о развалинахъ Увѣка и о караулахъ стрѣльцевъ отъ Царицина до Астрахани. Зиму 1579—1580 гг. Борро провелъ въ Астрахани; очень интересны его разказы о благосклонномъ отношеніи тамошнихъ властей къ англичанамъ и о тревогѣ въ городѣ по случаю появленія вооруженныхъ ногайцевъ предъ Астраханью. Эта экспедиція англичанъ была послѣднею; она потерпѣла цѣлый рядъ неудачъ, всѣ товары погибли, и сами путешественники съ большимъ трудомъ добрались до Астрахани, застигнутые ледоходомъ въ устьѣ Волги. Неудача этой экспедиціи заставила Московскую компанію отказаться отъ торговли съ Персіей.

Въ третій пріѣздъ Дженкинсона въ Москву въ 1566 году царь поручилъ ему вести переговоры о тѣсномъ союзѣ съ Елизаветой и о томъ, чтобы въ случаѣ опасности, одинъ государь могъ найдти убѣжище и помощь во владѣніяхъ другого. Елизавета не хотѣла заключать такого договора съ Русскимъ царемъ и медлила отвѣтомъ. Царь разгнѣвался и конфисковалъ имущество англичанъ въ Россіи. Чтобы смягчить гнѣвъ царя, въ 1568 году былъ посланъ въ Россію Том. Рандольфъ, опытный дипломатъ, неоднократно исполнявшій порученія своей государыни. Въ краткомъ описаніи этого посольства (стр. 422—424) нѣтъ значительныхъ новыхъ данныхъ, но есть матеріалъ для сличенія съ донесеніями другихъ пословъ.

Вмѣстѣ съ Рандольфомъ пріѣхало въ Россію нѣсколько молодыхъ людей изъ любопытства и желанія попутешествовать. Въ числѣ ихъ, вѣроятно, былъ и нѣкто Турбервиль. Между тѣмъ Рандольфъ сначала былъ встрѣченъ очень непріязненно: семнадцать недѣль его не допускали до царя и все это время держали посла и его свиту какъ

въ заключеніи, такъ что любознательнымъ молодымъ людямъ пришлось провести время очень невесело, и они, очевидно, не разъ раскаивались, что поѣхали въ Россію. Подобное настроеніе очень замѣтно въ сочиненіи Турбервиля (стр. 432—437). Написано это сочиненіе стихами, въ формѣ посланій къ тремъ друзьямъ автора. О русскихъ авторъ отзывается чрезвычайно неблагопріятно, это народъ Вахуса; русскихъ женщинъ онъ обвиняетъ въ кокетствѣ; серьезнѣе его отзывы о почвѣ, полевыхъ работахъ, климатѣ, домашнемъ скотѣ страны и о препровожденіи времени русскихъ. Въ общемъ это сочиненіе представляетъ скорѣе историческій курьезъ, чѣмъ памятникъ, заслуживающій разбора; но англичанамъ, очевидно, это произведеніе понравилось: оно приложено къ запискамъ Герберштейна, въ изданіи Гаклюйтовскаго общества 1851 г. Рандольфу удалось смягчить гнѣвъ царя, но не надолго. Не видя исполненій своихъ желаній, Грозный опять наложилъ опалу на англичанъ. Тогда англійское правительство рѣшило отправить въ Россію опять Дженкинсона, чрезъ посредство котораго начались переговоры о союзѣ. Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Россію въ 1571 году. Его долго продержали въ Холмогорахъ по случаю бывшаго въ Россіи тогда мора; наконецъ, почти чрезъ семь мѣсяцевъ, онъ былъ представленъ царю въ Александровской слободѣ; прощальная аудіенція ему дана была въ Старицѣ. Извѣстія Дженкинсона объ этомъ посольствѣ (стр. 452—463) проливаютъ свѣтъ на тайныя сношенія Ивана Грознаго съ Англіей; приводимыя имъ рѣчи Грознаго очень характерны; нельзя только ручаться, на сколько точно Дженкинсонъ передалъ ихъ: замѣтимъ, что въ общемъ его сообщенія подтверждаются офиціальными данными, но все-таки Грозный далеко не такъ былъ доволенъ его отвѣтами, какъ Дженкинсонъ старается это представить.

Не смотря на указанные нами выше нѣкоторые недостатки извѣстій Дженкинсона, имъ принадлежитъ почетное мѣсто среди другихъ иностранныхъ извѣстій о Россіи; особенно важны его географическія данныя, тѣмъ болѣе, что онъ измѣрилъ широты многихъ мѣстностей въ Россіи, Средней Азіи и Персіи; этими измѣреніями онъ оказалъ важную услугу географіи XVI вѣка. Вышеупомянутый Христ. Борро въ приложеніи къ описанію своего путешествія также указываетъ не только широты, но и долготы и отклоненія магнитной стрѣлки главныхъ русскихъ городовъ.

Послѣднимъ посломъ отъ Елизаветы къ Грозному былъ Боусъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1583 года; это былъ человѣкъ строптиваго

характера; онъ ссорился съ своими приставами, жаловался царю на его главныхъ совѣтниковъ и даже самому царю невѣжливо возражалъ. Главный интересъ записки Боуса (стр. 516—522) въ разказѣ объ отношеніяхъ автора къ царю и о партіяхъ при Московскомъ дворѣ.

Сохранилось еще описаніе путешествія Сутзсема и Спарка въ 1566 году изъ Холмогоръ въ Новгородъ (стр. 409—414). Англичанамъ хотѣлось найдти водный путь отъ Холмогоръ до Новгорода. Сутзсемъ и Спаркъ, посланные на развѣдки, плыли моремъ до устья рѣки Выга, по Выгу почти до самыхъ истоковъ, затѣмъ небольшимъ волокомъ перебрались въ Онежское озеро, а отсюда по рѣкѣ Свири, Ладожскому озеру и рѣкѣ Волхову прибыли въ Новгородъ. Такъ какъ плаваніе по рѣкѣ Выгу оказалось невозможнымъ по причинѣ частыхъ пороговъ и водопадовъ, то къ дневнику Сутзсема и Спарка приложено описаніе пути новгородцевъ къ Сумскому посаду. Англичане искали воднаго пути, но оказалось, что въ этой мѣстности удобнѣе зимній путь. Дневникъ этотъ отличается большою точностью, поименованы всѣ городки и селенія на пути, съ обозначеніемъ разстоянія одного отъ другого.

Въ письмахъ англичанъ изъ Россіи разсматриваемаго періода также находятся отрывочныя, но интересныя извѣстія; но письма эти напечатаны далеко не всѣ, и въ англійскихъ архивахъ хранится, конечно, еще много бумагъ, относящихся до торговыхъ сношеній Англіи съ Россіей въ XVI вѣкѣ. Въ письмахъ Гаутри (стр. 337) отъ 31-го января 1557 и Грея (стр. 338) отъ 19-го февраля 1558 года находимъ указаніе цѣнъ нѣкоторыхъ товаровъ, извѣстія о ходѣ затѣянныхъ предпріятій и отзывы о русскихъ рабочихъ. Алькокъ, въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1558 года (стр. 339), извѣщаетъ агентовъ объ арестѣ и отобраніи у него имущества въ Польшѣ, чрезъ которую онъ пытался проѣхать въ Англію. Ланъ, главный агентъ, описалъ въ письмѣ 1560 года (стр. 345) способъ рѣшенія московскимъ судомъ тяжбы англичанъ съ купцомъ Ширяемъ-Костромицкимъ; дѣло это было рѣшено жребіемъ. Въ другомъ своемъ письмѣ 1584 г. Ланъ даетъ краткій очеркъ тридцатилѣтнихъ сношеній Россіи съ Англіей (стр. 523) Мих. Локъ доказывалъ въ 1575 г. (Bond, VIII), что торговля съ Россіей самая выгодная для Англіи, такъ какъ русскимъ требуются, главнымъ образомъ, англійскія фабричныя издѣлія, а русскіе сырые продукты находятъ большой сбытъ на многихъ рынкахъ. Очевидецъ сожженія Москвы татарами въ 1571 году, Ускомбъ

описалъ (стр. 452) это событіе въ очень коротенькомъ письмѣ. Подробнѣе и обстоятельнѣе это же событіе описано неизвѣстнымъ англичаниномъ, письмо котораго извлечено изъ Лондонскаго архива и напечатано въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества 1870 г. № 3, г. Стороженкомъ. Въ письмахъ Симкинсона и Гарланда 1586 года (стр. 573—574) къ доктору Ди содержится приглашеніе этого знаменитаго астролога на службу къ царю Θеодору Ивановичу.

Напечатано также нѣсколько совѣтовъ, поданныхъ Московской компаніи опытными людьми: объ установленіи торговли въ Лапландіи (стр. 464), объ удобнѣйшемъ времени отправленія кораблей въ Россію (стр. 513), о неудобствахъ вести торговлю съ Россіей чрезъ Нарву—1576 г. (стр. 468), о посылкѣ торговыхъ кораблей въ Колу (тамъ же). Въ этихъ коротенькихъ замѣткахъ есть указанія на мѣстные промыслы и торговлю.

Здѣсь же должно упомянуть о письмахъ, напечатанныхъ въ XXXVIII т. Сборника Русскаго Историческаго Общества. Особаго вниманія заслуживаетъ челобитная Онтона Иванова, то-есть, Антона Мерша; изъ этой челобитной видно, какія злоупотребленія позволяли себѣ англичане, торговавшіе въ Россіи, и какъ они сами себя, можно сказать, поѣдали, потому что, разсорившись, обращались къ московскому правительству съ обвиненіями другъ на друга и этимъ самымъ давали опасное оружіе въ руки тѣхъ, которымъ хотѣлось отнять у англичанъ ихъ чрезмѣрныя привилегіи; въ приложенной къ челобитной росписи убытковъ, понесенныхъ Мершемъ, заключается много матеріаловъ для статистики цѣнъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ и переводъ русскихъ денегъ на англійскія, испанскія, гамбургскія, французскія и др. (стр. 212 и сл.). Меньше такихъ же данныхъ въ письмѣ Намира (стр. 227) и Горсея (стр. 238).

III.

Къ третьему періоду, обнимающему время съ 1588 г. по 1591 г., относятся сочиненія Горсея и Флетчера.

Отъ Горсея сохранилось много сочиненій о Россіи: 1) Путешествіе сера Горсея; 2) Описаніе коронаціи Θеодора Ивановича; 3) Разказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ Горсея отъ Елизаветы къ русскому царю; 4) О причинахъ отправленія Горсея въ 1580 году въ Россію;

5) Письма къ лорду Берлею изъ Россіи; 6) Оправданіе Горсея и пр. [1]). Главное и самое обширное сочиненіе Горсея „Travels" (Путешествія), которое обнимаетъ весь періодъ пребыванія Горсея въ Россіи, за исключеніемъ 1584 года; остальныя сочиненія представляютъ другія редакціи описанія тѣхъ же событій; конечно, описаніе коронаціи Θеодора Ивановича (1584 г.) имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе). Сличеніе разныхъ редакцій сказаній Горсея обнаруживаетъ значительныя противорѣчія въ извѣстіяхъ этого автора, которыя мы укажемъ въ нашемъ обзорѣ.

„Travels" Горсей писалъ очень продолжительное время—лѣтъ 30: въ предисловіи авторъ обращается къ Вальсингаму, умершему въ 1590 году, какъ къ еще живому лицу, а трудъ оканчивается извѣстіемъ о воцареніи Михаила Θеодоровича. Литературную обработку этой Горсеевой рукописи сдѣлалъ Р. Коттонъ, еще при жизни автора; не смотря на эту обработку, самъ англійскій издатель Горсея признаетъ, что языкъ автора очень плохъ, а мѣстами и вовсе непонятенъ: очевидно, писалъ малограмотный человѣкъ.

„Описаніе коронаціи Θеодора Ивановича" напечатано было еще въ первомъ изданіи Гаклюйтовскаго собранія 1589 года; разказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ конченъ раньше „Travels", потому что онъ заключается извѣстіемъ о смерти Бориса Годунова. Прочія сочиненія написаны частью въ 1591 году (письма къ Берлею), частью немного спустя.

Горсей пріѣхалъ въ Россію молодымъ человѣкомъ въ 1573 году. Ловкій самъ по себѣ, имѣя къ тому же покровителей въ Англіи, онъ сталъ замѣтно выдвигаться къ концу царствованія Грознаго. Въ „Travels" онъ начинаетъ свои извѣстія о Россіи со смерти отца Грознаго — Василія Андреевича. Эта первая ошибка открываетъ рядъ такихъ же и болѣе грубыхъ ошибокъ. Для подтвержденія своихъ извѣстій, Горсей ссылается на лѣтопись князя Мстиславскаго, но, по справедливому замѣчанію Юр. Толстого [2]), или эта лѣтопись была

---

[1]) Всѣ сочиненія Горсея напечатаны у *Бонда*: 1) „Travels" (стр. 153—266); 2) Описаніе коронаціи Θеодора Ивановича и разказъ о посольствѣ Горсея въ 1585 г.—въ приложеніи № 1, стр. 269 и слѣд.; 3) Разказъ о службѣ Горсея въ 1585—1589 гг., въ приложеніи № 2, стр. 288 и слѣд.; 4) О причинахъ отправленія Горсея, приложеніе № 3, стр. 337; 5) Письма къ Берлею, приложеніе № 5, стр. 360; 6) Оправданія Горсея, тамъ же, стр. 368.

[2]) *Отечественныя Записки* 1859 г. № 9. Travels of Horsey, изданіе *Бонда*, стр. 151.

слишкомъ незначительна, или, что̀ вѣроятнѣе, Горсей не сумѣлъ прочесть ея. Такъ, по Горсею, Іоаннъ Грозный женится 12-ти лѣтъ, вѣнчается на царство послѣ покоренія Казани и Астрахани [1]). Замѣтимъ здѣсь, что въ разказѣ о царствованіи Грознаго нѣтъ ни одного года. Усилившись на счетъ татаръ, Грозный отнимаетъ отъ Польскаго короля Полоцкъ, Смоленскъ, Дорогобужъ и др. города [2]). Послѣ этого царь собираетъ изъ русскихъ и татаръ огромное войско и съ нимъ вступаетъ въ Ливонію, гдѣ беретъ множество городовъ; при этомъ происходятъ страшныя сцены избіенія и насилія; всѣ дороги въ Ливоніи усѣяны трупами, иногда богато одѣтыми. Наконецъ, царь подступаетъ къ Ревелю, но не смотря на всѣ усилія, не можетъ взять его и долженъ съ потерями отступить [3]). Раздосадованный, подозрѣвающій измѣну, Грозный вступаетъ въ свои владѣнія, въ Нарвѣ убиваетъ и рѣжетъ всѣхъ и все; опустошивъ до тла Нарву, царь идетъ въ Псковъ, но юродивый Никола спасаетъ родной городъ и заставляетъ царя, испуганнаго страшными предсказаніями, удалиться въ Новгородъ. Здѣсь, никѣмъ не стѣсняемый, Іоаннъ избиваетъ до 700 тыс. жителей. Для населенія совсѣмъ опустѣвшаго Новгорода, царь отправляетъ туда всѣхъ встрѣчныхъ жителей по пути до Москвы [4]). Ясно: слышать-то звонъ Горсей слышалъ, а разобрать, откуда онъ—не могъ. Далѣе: „Вся Россія негодуетъ на Грознаго, повсюду сговариваются убить его; но онъ открываетъ всѣ заговоры и для униженія знати назначаетъ на главныя мѣста самыхъ негодныхъ своихъ воиновъ. Между тѣмъ получается извѣстіе о вступленіи крымцевъ въ Россію (Девлетъ-Гирея Горсей называетъ то Sithian-Cam, то Чигалей-Мурза). Разказъ о сожженіи Москвы не уступаетъ по яркости красокъ предыдущимъ разказамъ о Новгородѣ и Ливоніи [5]). Послѣ этого униженія русскихъ, Крымскій ханъ отправляетъ посла, который на торжественной аудіенціи подноситъ царю въ подарокъ отъ хана дрянной ножъ, со словами, что царю больше ничего не остается, какъ перерѣзать себѣ горло. Царь съ отвѣтомъ отправляетъ въ Крымъ Аѳ. Нагого [6]). Опять мы

---

[1]) Travels, стр. 157.
[2]) Ibid., стр. 158.
[3]) Ibid., стр. 159 и слѣд.
[4]) Ibid., 161—162.
[5]) Ibid., 164—166.
[6]) Ibid., 166—167.

знаемъ, что и Аѳ. Нагой былъ долго посломъ въ Крыму, и ножъ, только золотой, былъ присланъ въ подарокъ изъ Крыма; но оба эти факта относятся ко времени за нѣсколько лѣтъ до сожженія Москвы. И эти несообразности Горсей разказываетъ съ такимъ апломбомъ, какъ будто онъ самъ присутствовалъ при этомъ: описывается и наружность, и одежда, и дикій голосъ посла, и обморокъ царя; приводятся слова начальника стражи. Затѣмъ Горсей, очевидно, разказываетъ объ одномъ изъ церковныхъ соборовъ—1573 или 1580 года; по этому поводу онъ говоритъ, какъ недовольное духовенство стало сговариваться со знатью о возстаніи противъ царя, какъ этотъ послѣдній, узнавъ чрезъ шпіоновъ о заговорѣ, предалъ семерыхъ наиболѣе виновныхъ духовныхъ лицъ страшной казни: одного за другимъ выводятъ ихъ на арену, вокругъ которой сидитъ царь и множество народа, съ другой стороны выводятъ разъяренныхъ медвѣдей и заставляютъ монаховъ, вооруженныхъ только рогатинами, бороться поодиночкѣ съ этими звѣрями. Всѣ они, конечно, погибаютъ. Тогда митрополитъ уговорилъ царя пощадить остальныхъ осужденныхъ отъ такой страшной казни, за что̀ духовенство отдало царю земель на 300 тыс. руб. [1]).

Мы изложили сокращенно всю „историческую часть" сочиненія Горсея. По нашему мнѣнію, она не имѣетъ почти никакой цѣны: все перепутано и перемѣшано такъ, что, только зная событія, мы можемъ догадываться, о чемъ идетъ рѣчь у Горсея, а изъ разказовъ къ тому же большая часть вымышлена.

Съ того времени, когда Горсей сталъ исполнять политическія и торговыя порученія, московскаго правительства, разказъ его достовѣрнѣе и интереснѣе, но за то онъ ведется о подвигахъ и трудахъ самого Горсея, и къ этому, между прочимъ, присоединяются замѣчанія о Россіи и русскихъ. Въ этой части „Travels" надоѣдаетъ чрезвычайное самохвальство и забывчивость автора; лживость его не только не уменьшается, но возрастаетъ по мѣрѣ приближенія автора къ концу разказа.

Горсей живо описываетъ свои разговоры съ царемъ о большихъ корабляхъ, построенныхъ Грознымъ въ Вологдѣ, и казнь Бомелія [2]) Въ 1580 году онъ отправился изъ Москвы въ Англію сухимъ путемъ—чрезъ Ливонію, Пруссію, Польшу и Германію; царскую гра-

[1]) Ibid., 174—180.
[2]) Ibid., 185—188.

моту изъ предосторожности въ Москвѣ вложили въ подорожную бутылку съ водкой; главное порученіе, данное Горсею, состояло въ томъ, чтобы привезти изъ Англіи военныхъ снарядовъ. Горсей успѣшно исполнилъ порученное ему дѣло, за что̀ заслужилъ похвалу царя [1]). Затѣмъ Горсей разказываетъ о казняхъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Іоанну лицъ и объ убійствѣ царевича Ивана. Царь, по словамъ Горсея, разсердился на своего старшаго сына за то, что этотъ послѣдній выразилъ сожалѣніе объ иностранцахъ, которыхъ Грозный незадолго предъ этимъ подвергъ страшному поруганію, за то, что царевичъ далъ самовольно грамоту одному дворянину на 5 или 6 почтовыхъ лошадей, и что народъ имѣлъ слишкомъ хорошее, какъ казалось царю, мнѣніе о царевичѣ [2]). Разсердившись, царь ударилъ сына жезломъ по уху, а тотъ принялъ это такъ къ сердцу, что чрезъ три дня скончался отъ горячки. Въ лицѣ царевича Ивана и государство понесло большую потерю: это была надежда благополучія русскихъ, князь мудрый, снисходительный и въ высшей степени храбрый. Царь былъ въ отчаяніи: рвалъ на себѣ волосы и бороду, точно безумный. Успокоившись, царь рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный имъ бракъ съ англійскою принцессой, и для этой цѣли онъ отправилъ въ Англію Ѳ. Писемскаго. Писемскій возвратился изъ Англіи съ Боусомъ, которому поручено было продолжать переговоры о женитьбѣ царя. Разказъ Горсея о поведеніи Боуса не вполнѣ вѣренъ: онъ значительно преувеличиваетъ безтактное поведеніе этого посла [3]). Не станемъ приводить извѣстнаго разказа о послѣднихъ дняхъ жизни и смерти Грознаго [4]). Описаніе коронаціи Ѳеодора Ивановича не вошло въ „Travels“. Это самое достовѣрное и интересное сочиненіе Горсея; хорошо и живо разказано о смутѣ по смерти Грознаго, объ интригахъ Бориса Годунова и о торжествѣ коронаціи [5]).

Съ 1585 года мы имѣемъ, какъ это сказано выше, нѣсколько редакцій сказаній Горсея. Самая подробная—его „Travels“; но въ ней, вопервыхъ, очень рѣзко бросается въ глаза самохвальство автора. По словамъ автора, онъ оказывалъ чрезвычайныя услуги компаніи, былъ постояннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ всѣхъ иностран-

[1]) Ibid., 189—194.
[2]) Ibid., 195.
[3]) Ibid., 196—198.
[4]) Ibid., 199—201.
[5]) Изд. *Бонда*, прилож. № 1, 269 и слѣд.; *Hakluyt*, стр. 525 и слѣд.

цевъ, жившихъ въ Москвѣ; не только иностранцы, но и многіе русскіе обязаны полученными ими льготами предстательству его, Горсея. Дѣйствительно, въ 1585 — 1586 гг. Горсей пользовался большимъ расположеніемъ Бориса Годунова [1]) и выхлопоталъ для компаніи очень выгодную льготную грамоту, но не смотря даже на эти его дѣйствительныя заслуги компаніи, онъ пришелся такъ солоно ей, что когда въ 1590 г. въ Лондонѣ узнали о намѣреніи правительства снова отправить Горсея въ Россію, то компанія дѣятельно хлопотала объ отмѣнѣ этого рѣшенія. Изъ поданныхъ по этому случаю компаніей записокъ правительственнымъ лицамъ (Bond, App. III, 312—314) видно, какія мошенническія продѣлки совершалъ Горсей, и какъ недостойно онъ пользовался своимъ значеніемъ при Московскомъ дворѣ, именно: онъ выдалъ векселя новому агенту отъ не существовавшихъ лицъ, пользуясь незнаніемъ этимъ агентомъ русскаго языка, записывалъ уплаченными бо̀льшія суммы, чѣмъ платилъ въ дѣйствительности; перехватывалъ переписку агента съ компаніей, чтобы та не узнала о продѣлкахъ его, Горсея; онъ не постыдился увѣрить московское правительство, будто новый агентъ сносится съ поляками и литовцами, вслѣдствіе чего гонецъ этого агента подверженъ былъ пыткѣ, и Борисъ сказалъ ему: „Этою пыткой ты обязанъ своимъ соотечественникамъ", то-есть, Горсею. Нѣсколько англичанъ, не признававшихъ власти Горсея, посажено было, по его проискамъ, въ тюрьмы; на одного изъ нихъ надѣты были оковы, и Горсей ежедневно посылалъ слугу своего посмотрѣть, есть ли на немъ оковы; Горсей самовольно подписывался „президентомъ" и самовольно же сталъ во главѣ англійскихъ прикащиковъ въ Россіи; онъ прямо величался предъ иностранцами своимъ могуществомъ: „Кто посадилъ въ тюрьмы Виннигтона, Силка и другихъ, какъ не Еремей Горсей? Какой иноземецъ въ Россіи въ состояніи тягаться съ Горсеемъ? Чья личность, чьи жены и дѣти не во власти Еремея Горсея?" То, что эти обвиненія не голословны, подтверждается уже тѣмъ соображеніемъ, что компанія стала хлопотать о неотправленіи человѣка, оказавшаго ей столько услугъ, какъ хвалится самъ Горсей; далѣе подтвержденіемъ для этихъ обвиненій служитъ поведеніе самого Горсея въ 1588—1589 году. И въ „Travels", и въ „Разказѣ" [2]) онъ умал-

[1]) См. письма Годунова къ Горсею въ сборникѣ *Толстаго* „Россія и Англія" №№ 56 и 90.

[2]) Для сокращенія мы будемъ называть „Разказъ о службѣ Горсея въ 1585—1589 гг." однимъ словомъ: „Разказъ".

чиваетъ объ этихъ годахъ своей жизни, потому что, какъ замѣчаетъ Бондъ, онъ не могъ представить обстоятельствъ въ свою пользу. Въ одной коротенькой замѣткѣ (App. III, 337—341) онъ говоритъ, что, по совѣту вліятельныхъ лицъ въ Англіи, онъ помогалъ доктору Флетчеру въ его переговорахъ съ русскимъ правительствомъ; изъ документовъ же оказывается, что онъ тайно бѣжалъ изъ Англіи, не окончивъ своихъ счетовъ съ компаніей. Англійское правительство просило выдать его Флетчеру для привоза въ Англію, что̀ русское правительство исполнило весьма охотно, назвавъ Горсея въ грамотѣ къ Елизаветѣ „воромъ" [1]). Слѣдовательно, въ 1589 году онъ въ Москвѣ потерялъ свой кредитъ. Разказъ его въ „Travels" объ этомъ времени (1585—1587) полонъ преувеличеній, которыхъ или нѣтъ, или меньше въ болѣе раннихъ редакціяхъ: такъ, въ „Описаніи коронаціи" онъ ничего не говоритъ о подаренныхъ въ 1586 году ему вещахъ; а въ „Разказѣ" въ день его аудіенціи въ 1586 году ему на квартиру принесенъ былъ обѣдъ отъ царя, состоявшій изъ 100 блюдъ, послѣ ему подарено деньгами 2 тысячи рублей (!); въ „Travels" [2]) 100 блюдъ превращаются въ 150, и, вѣроятно, по той же пропорціи 2 тыс. рублей, подаренныхъ Горсею, въ 3 тыс. рублей. Въ „Описаніи коронаціи" Горсей говоритъ только, что для компаніи онъ выхлопоталъ льготную грамоту на торговлю въ Россіи; въ „Разказѣ"— что, сверхъ грамоты, онъ оказалъ компаніи разныя услуги на сумму до 3700 лив.; въ „Travels", сверхъ того, онъ приписываетъ себѣ даже окончаніе дѣла Мерша на сумму до 30 тыс. руб. [3]), между тѣмъ какъ для улаженія дѣла Мерша и пріѣзжалъ въ Россію Флетчеръ, который и кончилъ это дѣло. Въ разказѣ Горсея о его послѣдней поѣздкѣ въ Россію мы находимъ не только преувеличиванія, но уже просто несообразности. Не смотря на стараніе компаніи, не смотря на неблагопріятный о немъ отзывъ московскаго правительства, Горсей все-таки былъ посланъ въ Россію. Юр. В. Толстой объясняетъ это тѣмъ, что Фр. Вальсингамъ, секретарь королевы по иностраннымъ дѣламъ, охотно пользовался услугами ловкихъ, хотя бы и не совсѣмъ честныхъ агентовъ [4]); къ тому же Вальсингамъ имѣлъ часть въ рус-

---

[1]) Сборникъ *Толстаго*, №№ 61 и 68.
[2]) Travels, 222, приложеніе II, 289.
[3]) Travels, 227, приложеніе II, 289.
[4]) Сборникъ *Толстаго*, стр. 48.

ской торговлѣ Горсея [1]) и потому имѣлъ личное желаніе отправить туда Горсея для приведенія въ порядокъ счетовъ.

Эту свою поѣздку въ Россію Горсей и въ „Travels", и въ „Разказѣ" относитъ невѣрно къ 1589—1590 гг., на самомъ дѣлѣ она совершена имъ въ 1590—1591 гг. [2]). По „Разказу", онъ ѣхалъ чрезъ Германію и долженъ былъ сначала заѣхать въ Кельнъ на съѣздъ германскихъ князей, но узнавъ, что этотъ съѣздъ не состоится, онъ прямо проѣхалъ въ Варшаву для переговоровъ съ польскимъ правительствомъ; тоже онъ писалъ и къ лорду Берлею въ письмѣ 1591 года [3]); въ „Travels" же разказывается, что онъ не только побывалъ въ Кельнѣ, гдѣ наблюдалъ изумительное великолѣпіе германскихъ князей, но что оттуда еще проѣхалъ въ Копенгагенъ, все съ порученіями отъ королевы; въ Копенгагенѣ онъ велъ (въ 1590 г.) переговоры съ королемъ Фридрихомъ II, умершимъ еще въ 1588 году! Предположить, что онъ только перепуталъ имена Датскихъ королей, нельзя, потому что тогдашнему королю, Христіану IV, было только 13 лѣтъ, а по разказу Горсея, король является человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ и взрослымъ [4]). На датское правительство онъ подѣйствовалъ рѣчью, въ которой доказывалъ, что если король запретъ для англичанъ Зундъ, то англійскіе корабли станутъ проходить изъ Сѣвернаго океана мимо Вардгуза и въ Финскій заливъ, и въ Балтійское море [5])! Въ Польшѣ съ Горсеемъ случались самыя невѣроятныя вещи: въ „Разказѣ" онъ говоритъ, что извѣстный іезуитъ Ант. Поссевинъ подослалъ на него убійцъ; въ „Travels" вмѣсто этого разказывается, что при переправѣ чрезъ одну рѣку люди Горсея баграми распороли какую-то „змѣю-крокодила", самъ же Горсей былъ отравленъ запахомъ, распространившимся отъ этой змѣи, и пролежалъ нѣсколько дней опасно больнымъ [6]).

Въ „Разказѣ" Горсей вѣрно приписываетъ удаленіе свое изъ Москвы въ Ярославль пріѣзду польскаго посольства въ Москву; въ „Travels" польскій посолъ пріѣхалъ еще до Горсея [7]). Въ Москвѣ

---

[1]) Участіе Вальсингама въ торговлѣ Горсея несомнѣнно изъ письма къ Вальсингаму Пикока, у *Бонда*, стр. XXXIX.

[2]) Объ этомъ послѣднемъ путешествіи Горсея—Travels, 237 и слѣд.; приложеніе II, 297 и слѣд.

[3]) Письма къ Берлею, прил. V, 360.

[4]) Travels, 240.

[5]) Travels, 244.

[6]) Travels, 251; прилож. II, 307.

[7]) Travels, 253; прилож. 307.

на жизнь Горсея, по его словамъ, совершенъ былъ цѣлый рядъ покушеній: вода для его кушанья была отравлена, ему присылали отравленные напитки, подкуплена была его кухарка, и онъ знаетъ, кѣмъ и когда, его поваръ и дворецкій умерли отъ яда и т. д. [1]). Въ Угличѣ однажды ночью онъ былъ разбуженъ стукомъ въ ворота; выйдя онъ увидѣлъ Аѳанасія Нагого, обратившагося къ нему со словами: „О мой добрый другъ, благородный Еремѣй, позволь мнѣ поговорить съ тобою; царевичъ Димитрій умеръ сегодня въ 6-мъ часу; дьяки перерѣзали ему горло; одинъ изъ нихъ признался на пыткѣ, что онъ подосланъ былъ Годуновымъ; царица отравлена и на краю смерти; у нея слѣзаютъ и волоса, и ногти, и кожа. Помоги и дай, Христа ради, какого-нибудь лѣкарства". Горсей далъ ему мази и бальзама [2]) (!).

Извѣстіемъ о торжественномъ погребеніи Димитрія оканчиваются собственныя сказанія Горсея о Россіи. Въ 1591 году онъ былъ высланъ изъ Россіи, при чемъ московское правительство заявило въ грамотѣ къ Елизаветѣ, чтобъ англійское правительство не присылало впредь Горсея, если оно желаетъ продолженія хорошихъ отношеній между двумя дворами (см. сборн. Толстаго, № 74). Впослѣдствіи Горсей присоединилъ въ „Travels" разказъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ Россіи до избранія Михаила Ѳеодоровича; разказъ написанъ со словъ другихъ, крайне неточенъ и потому не стоитъ разбора [3]). Главное сочиненіе Горсея „Travels" не можетъ имѣть, по нашему мнѣнію, значенія историческаго источника: все оно переполнено грубыхъ ошибокъ, такъ преувеличены дѣла автора, разказано столько вымышленныхъ событій, что читатель теряетъ всякое довѣріе къ автору и не можетъ полагаться на его многочисленные разказы. „Описаніе коронаціи Ѳеодора Ивановича" и „Разказъ о второмъ и третьемъ посольствѣ" написаны сжатѣе, но точнѣе, и потому представляютъ большій историческій интересъ.

Съ сочиненіемъ Горсея тѣсно связано знаменитое сочиненіе Флетчера „Of the Russe Common Wealth". Горсей утверждаетъ (стр. 256), что онъ самъ хотѣлъ дать очеркъ географическаго положенія Россіи, учрежденій, религіи и быта русскаго общества, но отказался отъ этого намѣренія въ виду того, что это уже сдѣлано Флетчеромъ, ко-

---

[1]) Travels, 253.
[2]) Travels, 254.
[3]) Travels, 257 и сл.

тораго онъ, Горсей, снабдилъ всѣми необходимыми матеріалами. Для рѣшенія вопроса о степени зависимости Флетчера отъ Горсея, вопроса, по которому въ нашей литературѣ высказаны различныя мнѣнія, обратимся сначала къ личности автора „Of the Russe Common Wealth" и содержанію этого сочиненія.

Изъ всѣхъ англичанъ, посѣтившихъ въ XVI вѣкѣ Россію, Флетчеръ былъ наиболѣе образованный человѣкъ. Онъ воспитывался сначала въ Итонѣ, а потомъ въ Кембриджѣ, гдѣ получилъ степень доктора правъ. Послѣ того онъ путешествовалъ по Германіи и исполнялъ дипломатическія порученія въ Нидерландахъ и Шотландіи. Въ 1588 году онъ пріѣхалъ въ Россію посланникомъ отъ Елизаветы [1]); въ Россіи онъ пробылъ съ сентября 1588 года по іюль 1589 года. Изъ сочиненія его видно, что онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми авторами, писавшими о Россіи и окружающихъ ее странахъ; онъ ссылается въ своемъ сочиненіи на: Іосифа Флавія, на Страбона, на польскаго лѣтописца Кромера, на Бероза, на Бонфинія, венгерскаго историка, на византійца Лаоника Халкондила, автора исторіи турокъ, на Пахимера, написавшаго исторію первыхъ Палеологовъ [2]), кромѣ того, очевидно, что онъ былъ знакомъ съ сочиненіями Герберштейна; самъ онъ говоритъ о видѣнныхъ имъ картахъ Россіи и о нѣкоторыхъ космографіяхъ; многое, конечно, онъ могъ узнать въ Лондонѣ изъ личныхъ бесѣдъ съ англичанами, побывавшими въ Россіи, такъ что несомнѣнно, что у Флетчера были свѣдѣнія о Россіи еще до поѣздки его туда.

Но къ сожалѣнію, были обстоятельства, которыя должны были дурно

---

[1]) Біографію Флетчера и о пребываніи его въ Россіи см. въ предисловіи *Бонда*, CXX и сл.; въ *Библ. для Чт.* 1860, № 1 ст. *Толстаго* о Флетчерѣ.

[2]) Флетчеръ ссылается на: Флавія 2; Страбона 2; Бероза 16; Кромера 103; Халкондила—93, 94, 95 и 103; на Пахимера 93 и 94; на Бонфинія, 19.

Берозъ, халдейскій историкъ, отъ него дошли только отрывки, напечатанные въ 1825 г.; въ 1498 г. нѣкто Annius Viterbius издалъ подъ именемъ Бероза: «Commentarii super opera diversorum auctorum de Antiquitatibus loquentium». Это сочиненіе переиздано въ 1554 г. въ Лондонѣ; имъ, вѣроятно, и пользовался Флетчеръ.

Bonfinius, ум. 1502 г., италіанецъ; написалъ по приглашенію Матвѣя Корвина исторію Венгріи до 1495 г.; *Халкондилъ* и *Пахимеръ* изданы только во второй половинѣ XVII в.; слѣдовательно, Флетчеръ пользовался ихъ рукописями.

Халкондилъ, писатель XV в., Пахимеръ XIV в.; сочиненія обоихъ, особенно Халкондила, довольно достовѣрны и составляютъ важный источникъ для исторіи турокъ (см. *Hammer*, Ottomanische Gesbichte, т. I, X).

повліять на его сочиненіе. Вопервыхъ, изъ его сочиненія не видно, чтобъ онъ говорилъ по русски, хотя изъ описанія его бесѣды съ вологодскимъ монахомъ (стр. 130) можно заключить, что онъ нѣсколько понималъ русскій языкъ; изъ статейнаго списка его посольства видно, что онъ всегда велъ переговоры съ толмачемъ; онъ пишетъ, напримѣръ, Novogrod velica or Novogrod of the low countrey, а передъ этимъ только что упомянуто о Нижнемъ-Новгородѣ; крестнаго дьяка—clearke of crosse—называетъ „chresby deyaek profery", кравчаго, „crastnoy", и т. п. Вовторыхъ, Флетчеръ имѣлъ весьма поверхностныя свѣдѣнія по русской исторіи: онъ производитъ Московскихъ царей отъ венгерскихъ, хотя самъ отказывается объяснить, какимъ образомъ венгерскіе князья овладѣли Владимірскимъ княжествомъ; онъ не подозрѣваетъ, что нѣкогда центръ русской жизни былъ на Днѣпрѣ; такъ онъ опровергаетъ производство слова „русскіе" отъ „роксоланъ" только на томъ основаніи, что по показанію Страбона роксолане жили между Днѣпромъ и Дономъ, а русскіе, по понятію Флетчера, никогда тамъ не живали; или говоритъ, что Черною Сарматіей называлась часть страны, лежавшей къ югу, къ Черному морю, то-есть, поясняетъ Флетчеръ, княжества: Владимірское, Московское и Рязанское. Втретьихъ, Флетчеру оказанъ былъ въ Москвѣ дурной пріемъ, потому что московское правительство было очень недовольно поведеніемъ англичанъ въ Россіи; были и другія причины, какъ-то ссоры англичанъ съ Щелкаловымъ, сношенія съ Германскимъ императоромъ. Въ сочиненіи Флетчера замѣтно, что онъ былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ, а это, конечно, отразилось на отзывахъ его о московскомъ правительствѣ.

Сочиненіе „Of the Russe Common Wealth" раздѣляется на три отдѣла: I) космографія страны (гл. 1—4); II) управленіе, подраздѣляющееся на четыре подотдѣла: 1) государственное устройство (гл. 5 — 13), 2) судъ (гл. 14), 3) военныя силы (гл. 15 — 20) и 4) церковное устройство (гл. 21—25) и III) экономика или частный бытъ (гл. 26—28).

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ опредѣляетъ географическое положеніе страны, ея границы и протяженія въ длину (больше 4,260 в.) и ширину (больше 4,400 в.); далѣе сообщаетъ свѣдѣнія о ея почвѣ, климатѣ и о важнѣйшихъ рѣкахъ и озерахъ; перечисляетъ естественныя произведенія страны и предметы вывозной торговли, какъ-то: мѣха, воскъ, медъ, сало, кожи, тюленій жиръ, икра, ленъ и конопля, соль, смола, моржовый зубъ, слюда и желѣзо; Флетчеръ указываетъ

на сильное пониженіе вывоза, что̀ объясняетъ утратой Нарвскаго порта и невыносимыми поборами правительства; затѣмъ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ видахъ животныхъ и растеній, не встрѣчающихся въ Англіи. Перечисленіе главныхъ городовъ и описаніе наружности нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаютъ первый отдѣлъ сочиненія.

Въ отдѣлѣ о государственномъ управленіи авторъ сначала говоритъ о положеніи царствующаго дома; онъ предсказываетъ скорое прекращеніе династіи, такъ какъ у Ѳеодора Ивановича не можетъ быть дѣтей, а на жизнь царевича Димитрія уже дѣлались покушенія (глава 5-я). Потомъ авторъ описываетъ обрядъ коронованія Ѳеодора; при этомъ онъ приводитъ правильно въ переводѣ молитвы, читаемыя въ церкви по этому случаю. Замѣчательно, что эта глава Флетчера служитъ какъ бы дополненіемъ „Описанія коронаціи" Горсея; первый говоритъ только о церковной службѣ, а второй—преимущественно о внѣшней сторонѣ празднества (глава 6-я).

Власть Русскаго царя абсолютная: ему одному всецѣло принадлежатъ власти законодательная и исполнительная. Высшее совѣщательное учрежденіе—соборъ—нисколько не ограничиваетъ царской власти, такъ какъ въ совѣщаніяхъ собора принимаютъ участіе только члены царской думы и нѣсколько духовныхъ лицъ, но послѣднія приглашаются только для того, чтобы мѣры, принятыя соборомъ, имѣли большій авторитетъ въ глазахъ народа; духовенство на соборѣ всегда соглашается съ рѣшеніями, заранѣе принятыми въ царской думѣ (глава 7-я). Высшее сословіе, дворянство, также не можетъ оказывать противодѣйствія царской власти. Прежде, дѣйствительно, первый классъ этого сословія, удѣльные князья, пользовались въ своихъ округахъ почти неограниченною властью. Но покойный царь низвел ихъ на степень холопей; этого онъ достигъ слѣдующими мѣрами: 1) возвышеніемъ низшихъ надъ высшими, чѣмъ онъ возбудилъ между ними раздоры, 2) раздѣленіемъ государства на опричнину и земщину, и 3) замѣной вотчинъ помѣстьями; Годуновы продолжаютъ эту политику. Второй классъ дворянства—бояре, то-есть, царскіе совѣтники. Средній доходъ лица, принадлежащаго къ этимъ двумъ классамъ, около 1,000 рублей дохода съ земли, и царское жалованье, никогда не превышающее 700 рублей. Только доходы Годунова простираются до 93,700 рублей, да доходы Глинскаго до 40,000 рублей. Третій классъ составляютъ воеводы или дѣти ихъ, сохраняющіе титулъ отцовъ. Четвертый классъ дворянства составляютъ обнищавшіе и захудалые потомки князей. Дворяне имѣютъ право прибавлять къ своему отече-

ству „вичъ"; за неприсоединеніе этой приставки дворянинъ можетъ требовать безчестья. Второе сословіе—дѣти боярскія, составляющія царскую армію; третье сословіе — крестьяне; сюда принадлежатъ и купцы и ремесленники. Дьяки относятся ко второму сословію (глава 9-я).

Въ административномъ отношеніи Россія дѣлится на четыре части—четверти: посольскую, разрядную, помѣстную и четверть Казанскаго дворца. Изъ вѣдѣнія четвертей изъяты только царскія вотчины, а теперь и нѣкоторыя владѣнія Годунова. Во главѣ каждой четверти стоитъ дьякъ: онъ принимаетъ всѣ жалобы, получаетъ донесенія и дѣла отъ областныхъ правителей, вноситъ эти дѣла въ царскую думу и увѣдомляетъ правителей о послѣдовавшихъ рѣшеніяхъ, равно какъ и о всѣхъ выходящихъ изъ думы распоряженіяхъ. Четверть дѣлится на области; начальникъ области назначается царемъ; кромѣ административной власти, какъ-то: наблюденіе за порядкомъ, собираніе воиновъ, собираніе доходовъ государственныхъ, обнародованіе указовъ и т. д., ему принадлежитъ и судебная: онъ рѣшаетъ гражданскія дѣла и производитъ слѣдствія уголовныхъ дѣлъ, которыя всегда рѣшаются въ царской думѣ. Областнымъ начальникамъ подчиняются губные старосты, сотскіе и судьи: первые рѣшаютъ дѣла о самоубійцахъ и арестовываютъ мошенниковъ; судьи и сотскіе рѣшаютъ между жителями своего округа. На ихъ рѣшеніе можно жаловаться областному начальнику, на послѣдняго думнымъ дьякамъ, обыкновенно живущимъ въ Москвѣ (глава 10-я). Флетчеръ указываетъ на сильныя злоупотребленія, которыя позволяли себѣ начальники и состоявшіе при нихъ дьяки.

Царскую думу составляютъ бояре, то-есть, совѣтники; этотъ титулъ жалуетъ царь; далеко не всѣ бояре принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ; дѣйствительно участвующіе въ думѣ называются думными боярами. Флетчеръ называетъ 31 члена думы, въ томъ числѣ пять думныхъ дьяковъ. Но Годуновъ рѣшаетъ всѣ дѣла съ пятью-шестью боярами (глава 11-я).

Государственные доходы поступаютъ въ казначейство. Они получаются: 1) изъ дворцоваго приказа, 2) отъ начальниковъ четвертей и 3) изъ большаго прихода. Дворцовый приказъ собираетъ доходы съ царскихъ вотчинъ, жители которыхъ платятъ деньгами или натурою; избытокъ припасовъ продается, такъ что всего съ царскихъ вотчинъ получается теперь до 230,000 рублей. Начальники четвертей собираютъ въ подвѣдомственныхъ имъ земляхъ съ жителей тягла и подати — всего на сумму до 400,000 руб. При этомъ Флетчеръ

называетъ суммы, платимыя нѣкоторыми городами, такъ Псковъ платитъ 18,000 р., Новгородъ — 30,000 р. и т. д. Большой приходъ собираетъ всѣ торговыя пошлины, всего на сумму до 340,000 р. Москва вноситъ 12,000 р. въ годъ, Смоленскъ — 8,000 р., Псковъ — 12,000 р. и т. д.; кромѣ того, въ большой приходъ поступаютъ судебныя пошлины, не израсходованныя деньги изъ другихъ приходовъ, такъ что всего туда поступаетъ до 800,000 р. Итогъ доходовъ въ Московскомъ государствѣ равенъ—1,430,000 р.

Но, не довольствуясь этимъ, Московскіе цари прибѣгаютъ еще къ особымъ мѣрамъ для увеличенія своихъ доходовъ: позволяютъ правителямъ грабить народъ, а потомъ отнимаютъ у нихъ награбленное въ свою казну, присвоиваютъ себѣ монополію на торговлю извѣстными предметами, заставляютъ покупать ихъ товары и продавать имъ не по розничной цѣнѣ, а по той, которую они назначатъ и т. д. Царь Іоаннъ Васильевичъ для увеличенія своихъ доходовъ отказался отъ престола и посадилъ на царство Симеона, казанскаго царевича, котораго онъ заставилъ объявить недѣйствительными всѣ жалованныя грамоты; затѣмъ, принявъ снова жезлъ правленія, Іоаннъ получилъ большую сумму денегъ за возобновленіе этихъ грамотъ. Флетчеръ говоритъ, что съ нѣкоторыхъ монастырей онъ бралъ по 40, 50 и даже по 100 тысячъ рублей (глава 12-я). Эти послѣднія цифры несообразно велики. Слѣдуетъ замѣтить, эта (12-я) глава, очень интересная по содержанію, написана Флетчеромъ недостаточно внимательно, мѣстами даже небрежно. Такъ, авторъ не отдалъ себѣ отчета, что̀ представляетъ цифра 1,430,000 рублей, валовой доходъ или чистый? Если валовой, то слѣдовало прибавить къ этой суммѣ доходы, получаемые нѣкоторыми отдѣльными приказами съ ихъ собственныхъ земель, о чемъ (то-есть, о доходахъ нѣкоторыхъ приказовъ) авторъ упоминаетъ; если же показанъ только чистый доходъ, то почему же авторъ считаетъ въ итогѣ полную сумму 230 тысячъ рублей, собираемую съ царскихъ вотчинъ, когда онъ самъ же говоритъ, что за покрытіемъ издержекъ на содержаніе двора и пр. остается только 23 тыс. руб. Кромѣ того, авторъ въ 10-й главѣ и въ 12-й категорически говоритъ, что вся Россія дѣлится на четыре части, за исключеніемъ царскихъ вотчинъ, а черезъ нѣсколько страницъ онъ вскользь замѣчаетъ (совершенно вѣрно), что нѣкоторые приказы (стрѣлецкій, пушкарскій и др.) имѣютъ особыя земли, съ которыхъ сами собираютъ доходы, помимо начальниковъ четвертей. Этого противорѣчія Флетчеръ вовсе не замѣчаетъ. Наконецъ, нѣко-

торыя цифры сборовъ у него несообразны: ужели въ Россіи XVI вѣка было нѣсколько монастырей, которые могли заплатить за жалованныя грамоты по 40, 50 и 100 тысячъ рублей?

Положеніе низшаго сословія въ государствѣ или крестьянъ очень тяжелое, на него главнымъ образомъ падаютъ всѣ сборы; кромѣ того, оно совершенно безправно; дворяне и царскіе солдаты могутъ грабить его безнаказанно; людямъ изъ этого сословія совсѣмъ не позволяютъ учиться, чтобъ они легче переносили свое рабское положеніе (глава 13-я).

Въ главѣ 14-й—о судѣ—Флетчеръ сообщаетъ не много новыхъ данныхъ сравнительно съ тѣмъ, что мы нашли у его предшественниковъ. Любопытно, что, перечисляя способы рѣшенія спорныхъ дѣлъ, гдѣ не достаетъ уликъ, авторъ уже не упоминаетъ о судебномъ полѣ; также интересно сопоставить отзывы Флетчера о русскомъ судопроизводствѣ съ отзывами Чанслора и Горсея: послѣднимъ очень нравилось отсутствіе у русскихъ множества запутанныхъ законовъ, вслѣдствіе чего каждый самъ можетъ вести свое дѣло; Флетчеръ же съ презрѣніемъ говоритъ, что у русскихъ есть только маленькая книжка, содержащая въ себѣ порядокъ судебныхъ процессовъ, а для рѣшенія дѣлъ въ Россіи руководствуются только изустнымъ закономъ (speaking law), то-есть—поясняетъ докторъ права—волей государя или его чиновниковъ.

Численность русской арміи Флетчеръ опредѣляетъ такъ: 15 тысячъ постояннаго коннаго войска, набираемаго изъ дворянъ большихъ, среднихъ и дѣтей боярскихъ. Каждый изъ нихъ получаетъ отъ 100 до 12 рублей въ годъ, а всѣмъ имъ платится только 55 тысячъ рублей въ годъ. Опять недосмотръ автора: если на 15 тысячъ человѣкъ отпускается всего 55 тысячъ рублей, то на каждаго среднимъ числомъ придется не больше 3 рублей съ копѣйками. Намъ кажется, что цифры жалованья солдатъ отъ 100 до 12 рублей несоразмѣрно велики; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что на содержаніе 65 тысячъ всадниковъ, собираемыхъ ежегодно на случай нашествія крымцевъ, отпускается правительствомъ только 40 тысячъ рублей; по словамъ Флетчера, избираются московскимъ правительствомъ 110 довѣренныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе 65 тысячъ всадниковъ за отпускаемыя правительствомъ 40 тысячъ рублей. Слѣдовательно, всѣхъ всадниковъ 80 тысячъ человѣкъ. Пѣхоту составляютъ 12 тысячъ стрѣльцевъ и иноземные наемники (глава 15-я). Затѣмъ Флетчеръ говоритъ о воеводахъ, о раздѣленіи

арміи на полки, о наборѣ, вооруженіи и продовольствіи войскъ. Онъ подтверждаетъ общее мнѣніе иностранцевъ о русскомъ войскѣ, что оно гораздо лучше защищается въ крѣпостяхъ, чѣмъ сражается въ открытомъ полѣ (главы 16-я и 17-я).

Въ подотдѣлъ о военныхъ силахъ включены авторомъ главы о русскихъ колоніяхъ и о сосѣднихъ народахъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что первыя завоеваны русскимъ оружіемъ, а съ послѣдними они ведутъ постоянныя войны. Въ послѣднее время Русскіе цари значительно увеличили свои владѣнія со всѣхъ сторонъ. Для охраны новыхъ завоеваній, русскіе строятъ тамъ крѣпости, въ которыхъ содержатъ гарнизоны; выселяютъ туземцевъ, а на ихъ мѣсто посылаютъ коренныхъ русскихъ; въ большіе пограничные города—Псковъ, Смоленскъ, Астрахань и Казань—назначаютъ правителей съ гораздо большими полномочіями, чѣмъ въ областные города внутри государства (глава 18-я). Въ Перми, по рѣкѣ Печорѣ, Сибири русскіе держатъ туземцевъ въ послушаніи, болѣе показывая имъ свое оружіе, чѣмъ употребляя его въ дѣло.

Въ 19-й главѣ Флетчеръ даетъ прекрасное, живое описаніе татаръ; но мы не станемъ останавливаться на этомъ описаніи, такъ какъ оно мало относится до русской исторіи; для насъ интереснѣе глава (20-я)—о пермякахъ, самоѣдахъ и лапландцахъ. Флетчеръ называетъ басней разказы о Золотой Бабѣ, которой будто поклоняются самоѣды, и изображеніе которой онъ видѣлъ на нѣкоторыхъ картахъ; онъ объясняетъ, что у устья Оби есть скала, которую при помощи воображенія можно принять за статую старой женщины, держащей въ рукахъ ребенка. Названіе „Самоѣдъ“ Флетчеръ объясняетъ тѣмъ, что на ихъ языкѣ оно значитъ „туземецъ“.

4-й подотдѣлъ—церковное управленіе (глава 21—25). Весь этотъ подотдѣлъ сочиненія не имѣетъ значенія: Флетчеръ повторяетъ крайне неблагопріятныя сужденія своихъ предшественниковъ о религіозности русскихъ; образцы этихъ сужденій мы приводили раньше изъ сочиненія Чанслора. Описанія его церковныхъ службъ и обрядовъ, разумѣется, не полны и не имѣютъ для русскихъ историковъ интереса. Замѣчательно, что Флетчеръ невѣрно разказываетъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, хотя это важное событіе совершилось какъ разъ во время его пребыванія въ Москвѣ: именно, онъ говоритъ не объ учрежденіи новаго Русскаго патріархата, а о перенесеніи каѳедры Константинопольскаго патріарха въ Москву, и все это дѣло будто бы совершилось по интригамъ Римскаго папы, потому

что—предсказываетъ Флетчеръ—теперь произойдутъ раздоры между Русскою и Константинопольскою церквами, такъ какъ греческое духовенство не захочетъ подчиняться патріарху, живущему въ Москвѣ.

Еще въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ вниманія цифры доходовъ духовныхъ лицъ: патріархъ получаетъ ежегодно до 3 тысячъ рублей, митрополиты и епископы до 2,500 рублей, епископы отъ 500—1,000 рублей, хотя нѣкоторые, напримѣръ, митрополитъ Новгородскій, получаетъ отъ 10 до 12 тысячъ рублей; священники получаютъ отъ 30—40 рублей въ годъ. Эти цифры очень сомнительны: невѣроятно, чтобы патріархъ получалъ въ четыре раза меньше Новгородскаго владыки.

Третій отдѣлъ сочиненія Флетчера посвященъ быту русскихъ (главы 26-я—28-я). Въ этомъ отдѣлѣ заключаются очень интересныя, но и хорошо уже извѣстныя свѣдѣнія. Сначала авторъ разказываетъ, какъ проводитъ день царь Θеодоръ Ивановичъ, потомъ перечисляетъ всѣ дворцовые чины отъ дворецкаго до истопника (главы 26-я и 27-я).

Послѣдняя (28-я) глава сочиненія посвящена изображенію быта и характера русскаго народа. Авторъ описываетъ наружный видъ русскихъ, ихъ кушанья и одежды (о жилищахъ Флетчеръ говоритъ раньше, въ 19-й главѣ при описаніи наружнаго вида русскихъ городовъ). Способности у русскихъ посредственныя, и онѣ могли бы совершенствоваться ученіемъ, если бы русскіе перенимали что-нибудь отъ поляковъ и другихъ сосѣдей. Характеръ у нихъ суровый и въ высшей степени жестокій, особенно въ обращеніи съ низшими; человѣческую жизнь они ставятъ ни во что, охотно предаются всякимъ излишествамъ, въ словѣ своемъ не стоятъ. Этимъ неблагопріятнымъ крайне отзывомъ о характерѣ нашихъ предковъ мы кончимъ свое изложеніе главныхъ положеній Флетчера.

Теперь на очереди вопросъ: откуда Флетчеръ добылъ такія богатыя и подробныя свѣдѣнія о Россіи? Нѣтъ сомнѣнія, что, пріѣхавъ въ Россію, Флетчеръ, какъ человѣкъ любознательный и привыкшій уже къ литературной дѣятельности, сталъ записывать свои замѣтки объ этой странѣ, столь не похожей на тѣ, которыя онъ посѣтилъ раньше. Толмачъ, постоянно состоявшій при немъ, могъ сообщать Флетчеру русскія имена и названія интересовавшихъ его лицъ и предметовъ. Флетчеръ нѣсколько разъ указываетъ въ своемъ сочиненіи, что онъ разпрашивалъ о такомъ-то предметѣ (напримѣръ, объ инквизиціи въ Россіи), что онъ говорилъ съ такимъ-то лицомъ (на-

примѣръ, съ монахомъ въ Вологдѣ), что онъ самъ былъ свидѣтелемъ того-то (напримѣръ, его ссылка на чтеніе царскаго титула на его аудіенціи), что съ его слугой говорилъ о томъ-то (о религіозныхъ дѣлахъ) и т. д. [1]). Но конечно, этого было недостаточно: онъ пріѣзжалъ въ Москву въ первый разъ, слѣдовательно, былъ для московскаго правительства человѣкомъ новымъ, которому не только не стали бы сообщать свѣдѣній о домашнихъ дѣлахъ, а скорѣе старались бы скрыть ихъ отъ него. Такъ оно и было: московское правительство очень спѣшило отпускомъ цесарскаго посла Варкоча, чтобы Флетчеръ не засталъ его въ Холмогорахъ; какіе смутные слухи доходили до англійскаго посла, видно изъ того, какъ неточно онъ разказываетъ даже о такомъ крупномъ событіи, какъ учрежденіе патріаршества. Очевидно, что самъ Флетчеръ не могъ собрать столь подробныя извѣстія, и несомнѣнно, что кто-то помогъ ему своими свѣдѣніями. Конечно, лицомъ, сообщившимъ Флетчеру свѣдѣнія о Россіи, былъ извѣстный уже намъ Горсей; мы уже приводили выше категорическое утвержденіе объ этомъ Горсея. Академикъ Гамель [2]), вполнѣ принимая это утвержденіе Горсея, говоритъ, что книжка Флетчера составлена со словъ Горсея также, какъ сочиненіе Іовія со словъ Димитрія Герасимова. Напротивъ того, другой изслѣдователь, Ю. В. Толстой [3]) находитъ, что стоитъ прочесть хотя по страницѣ сочиненія Флетчера и сказаній Горсея, чтобы убѣдиться, что Флетчеръ не похититель его литературной собственности: разказы Горсея напыщены, обидчивы, безграмотны; разсужденія Флетчера, напротивъ, отличаются систематическимъ, точнымъ и сжатымъ изложеніемъ; впрочемъ, Толстой признаетъ безспорнымъ, что Флетчеръ пользовался свѣдѣніями другихъ лицъ, въ томъ числѣ и Горсея.

Мнѣніе академика Гамеля нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ, потому что личное участіе Флетчера въ составленіи его книги отрицать нельзя; Флетчеръ вовсе не ограничился только ролью пересказчика чужихъ словъ; не трудно, съ другой стороны, замѣтить, что характеристика обоихъ авторовъ Толстымъ, относится къ формѣ ихъ сочиненій, а не къ содержанію.

Кто могъ сообщить Флетчеру цифры доходовъ, сборовъ, жалованья, число войскъ? Толстой говоритъ, что Флетчеръ везъ назадъ въ Ан-

---

[1]) *Флетчеръ*, стр. 130, 118, 26 и 130.

[2]) *Гамель*, стр. 110.

[3]) *Библіотека для чтенія* 1860 г., № 1, стр. 15.

глію съ собою нѣсколько англійскихъ купцовъ, въ томъ числѣ Горсея и Мерша, и отъ нихъ отъ всѣхъ могъ узнавать нужныя ему свѣдѣнія; къ тому же самъ Флетчеръ говоритъ, что на обратномъ пути онъ приводилъ въ порядокъ свои замѣтки [1]). Но, вопервыхъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобъ остальные купцы, кромѣ Горсея, знали эти цифры; изъ всѣхъ изъ нихъ Горсей былъ лицомъ самымъ близкимъ къ московскому правительству и въ частности къ Борису Годунову,—онъ нѣкоторое время состоялъ на русской службѣ; объ остальныхъ же купцахъ мы знаемъ только, что они вели въ Россіи незаконный торгъ, входили въ плутни съ московскими дьяками и подъячими, но отъ этого вѣдь еще далеко до знанія финансоваго и военнаго устройства страны. Вовторыхъ, Толстой главнымъ отличіемъ извѣстій Флетчера отъ извѣстій Горсея считаетъ точность первыхъ; но мы уже видѣли, что почти всѣ цифры Флетчера съ перваго же взгляда возбуждаютъ недоразумѣнія у читателя и часто противорѣчатъ самимъ себѣ; а это гораздо больше въ свойствѣ характера Горсея, чѣмъ Флетчера: при разборѣ извѣстій Горсея мы постоянно встрѣчались съ невѣрными цифрами и датами. Затѣмъ, у обоихъ авторовъ мы находимъ одинаковый разказъ о царствованіи Симеона Бекбулатовича [2]), одинаковые же разказы объ отношеніяхъ Грознаго къ дворянству, именно къ высшему его классу [3]). Если человѣкъ вполнѣ образованный повторяетъ слова и разсужденія малограмотнаго человѣка, то это доказываетъ, что первый по данному вопросу ничего не знаетъ и находится въ полной зависимости отъ втораго; такъ въ данномъ случаѣ было и съ Флетчеромъ. Если въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, о русскомъ судопроизводствѣ) отзывы авторовъ прямо противоположны, то это объясняется тѣмъ, что Флетчеръ, считая себя компетентнымъ по нѣкоторымъ вопросамъ, позволялъ себѣ глядѣть на нихъ иначе, чѣмъ Горсей.

Конечно, не зная тѣхъ записокъ, которыя были у Горсея, и которыя онъ давалъ Флетчеру, мы не имѣемъ права высказываться категорически по вопросу о зависимости Флетчера отъ Горсея, но все-таки считаемъ очень вѣроятнымъ, что главы о дворянствѣ, объ областномъ управленіи, о царской думѣ, о доходахъ, о военныхъ силахъ и о частной жизни царя, то-есть, наиболѣе интересныя и существенныя

[1]) Флетчеръ, въ посвященіи королевѣ Елизаветѣ.

[2]) Travels, 169; Флетчеръ, 56.

[3]) Travels, 163 и 168 и въ др. м.; Флетчеръ, гл. 9, 33 и слѣд.

части всего сочиненія, представляютъ пересказъ извѣстій Горсея. Основаніемъ такого нашего мнѣнія служатъ слѣдующія соображенія: для (9-й) главы о дворянствѣ — то, что Флетчеръ повторяетъ разсужденія Горсея объ отношеніи Грознаго къ дворянству; для (10-й) главы объ областномъ управленіи — то, что основное положеніе той главы — дѣленіе Россіи на 4 четверти, высказано Горсеемъ въ его „Travels" [1]), и то, что положеніе это находится въ прямомъ противорѣчіи съ сообщаемымъ самимъ же Флетчеромъ извѣстіемъ о томъ, что и другіе приказы владѣютъ землями самостоятельно; Флетчеръ не замѣчаетъ этого противорѣчія; очевидно, онъ положился на знаніе Горсея и не продумалъ его сообщеній. Глава 11-я заключаетъ въ себѣ такія свѣдѣнія, которыхъ только что пріѣхавшій посолъ не могъ знать, именно о дняхъ и часахъ засѣданій думы, объ имени и фамиліи мелкаго чиновника, на обязанности котораго лежало сзывать въ экстренныхъ случаяхъ членовъ думы (любопытно, что это имя написано: Dorofey Bushew). О главахъ, посвященныхъ финансамъ (12-й) и числу войскъ (15-й), мы уже говорили; 26-я глава (объ образѣ жизни царя Ѳеодора) могла быть написана только лицомъ очень близкимъ ко двору, какимъ былъ Горсей: въ этой главѣ сообщается, что̀ дѣлалъ Ѳеодоръ съ самаго утра до вечера, даже объ отношеніяхъ его къ царицѣ. Кромѣ того, мы думаемъ, что 20-я глава (о пермякахъ, самоѣдахъ и лопаряхъ) написана Флетчеромъ, главнымъ образомъ, по разказамъ Мерша, котораго онъ тоже везъ съ собою въ Англію. Мершъ, какъ мы уже видѣли, велъ торгъ одно время съ Сибирью, посылалъ своихъ людей къ рѣкѣ Оби, и конечно, отъ него Флетчеръ могъ заимствовать данныя о самоѣдахъ и о Золотой Бабѣ.

То обстоятельство, что Флетчеръ многое заимствовалъ отъ Горсея, не уменьшаетъ его заслуги. Мы видѣли, какъ неясно и сбивчиво разказываетъ Горсей о своей жизни, и остается только радоваться, что цѣнный матеріалъ, собранный Горсеемъ, попалъ въ руки ученаго автора, который изложилъ его ясно и въ системѣ, хотя и не вездѣ внимательно отнесся къ нему. По количеству матеріаловъ для исторіи управленія, финансовъ и экономическаго быта русскаго народа сочиненіе Флетчера не имѣетъ себѣ равнаго среди другихъ иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Недостатокъ этого сочиненія—тенденціозность и односторонность его автора. Флетчеръ былъ

---

[1]) Travels, стр. 157.

англійскій юристъ, а именно среди этого сословія выработалось понятіе о государствѣ, какъ о договорномъ союзѣ между монархическою властью и народомъ, понятіе, нашедшее себѣ полное выраженіе нѣсколько позже въ „Левіаѳанѣ“ Гоббса (род. въ 1588 г., ум. въ 1679). Между тѣмъ въ древней Руси договорное начало почти вовсе еще отсутствуетъ. Флетчеръ не нашелъ у насъ ничего похожаго на magna charta и отсюда вывелъ заключеніе, основанное, можетъ быть, на ходѣ англійской исторіи, что если монархъ не ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ злоупотребляетъ своею властью, пользуясь ею только для своего личнаго блага и для блага своего семейства. Эта мысль — объ эгоизмѣ государя — становится основнымъ положеніемъ всего сочиненія, освѣщающимъ автору всѣ дѣйствія московскаго правительства: царь призываетъ на совѣщаніе духовенство, чтобы придать своимъ мѣрамъ больше значенія въ глазахъ народа, суевѣрно преданнаго духовнымъ отцамъ; царь утѣсняетъ и унижаетъ дворянство, чтобъ оно не могло образовать противовѣса его власти; царь позволяетъ дворянству и духовенству грабить простой народъ, чтобы вселить въ сословія вражду другъ къ другу; царь открыто потакаетъ дурному управленію, чтобъ управляемые не имѣли довѣрія къ правителямъ, и чтобы тѣ и другіе не соединились противъ него; царь облагаетъ народъ непомѣрными налогами, чтобы только увеличить свою казну; царь нарочно держитъ свой народъ въ крайнемъ невѣжествѣ, чтобы послѣдній легче переносилъ свое рабство, и т. д. Односторонность автора очевидна: ему совершенно чужда мысль о правѣ обычномъ, на которомъ, главнымъ образомъ, основывался строй Московскаго государства; онъ вовсе не понялъ характера отношеній русскаго народа къ своему правительству.

Ни у одного иностранца, писавшаго о Россіи, не проведено такъ ясно и послѣдовательно одностороннее, въ основѣ своей невѣрное воззрѣніе на государственный строй, какъ именно у Флетчера. Поэтому сочиненіе его лучше всякаго другого можетъ служить доказательствомъ того, какъ необходимо важно русскому историку знать понятія, господствовавшія въ той средѣ, къ которой принадлежалъ авторъ-иностранецъ.

„Сучекъ въ чужомъ глазу виденъ скорѣе, чѣмъ бревно въ своемъ“ такъ и иностранцы такъ часто берутъ на себя роль нашихъ обвинителей. Долгъ русскаго историка разобраться въ ихъ обвиненіяхъ и указать путемъ сравнительнаго изученія состоянія разныхъ обществъ, какія изъ этихъ обвиненій дѣйствительно можно отнести

только къ русскому обществу, и какія свойственны вообще тому времени и даже въ большей мѣрѣ принадлежатъ самимъ обвинителямъ. Напримѣръ, Дженкинсонъ обвиняетъ русскихъ въ томъ, что они не помогали ногайцамъ (своимъ злѣйшимъ врагамъ, какъ раньше говоритъ онъ же) во время поразившаго ногайцевъ въ 1558 году страшнаго голода, что русскіе не старались обратить ихъ въ христіанство, а вмѣсто этого продавали ихъ въ окрестныя страны; мы въ правѣ спросить: почему же англичане считали себѣ позволительнымъ заниматься торговлей негровъ, не причинявшихъ имъ никакого вреда? Упрекаютъ русскій народъ въ крайнемъ суевѣріи, называя этимъ именемъ поклоненіе иконамъ, мощамъ, а сами у себя дома сжигаютъ вѣдьмъ; изъ Англіи же являются къ намъ ученые астрологи, какъ Бомелій, впослѣдствіи Ди. Далѣе англичане говорятъ о нетерпимости и высокомѣріи русскихъ, а между тѣмъ въ XVI вѣкѣ Россія была едва ли не единственною страной въ Европѣ, гдѣ католики и протестанты могли мирно жить вмѣстѣ. Въ Англіи, въ 1569 году, какъ мы уже говорили, сожгли часовню, найденную у испанскаго купца въ домѣ, въ Россіи же протестанты имѣли свои кирки [1]), католики тоже могли имѣть домашнія молельни. Русскіе—жалуются англичане—называютъ насъ „нехристями", а сами тоже называли папистовъ идолопоклонниками и т. д. Говоримъ это не для того, чтобы недостатками англійскаго общества оправдывать недостатки русскаго, а чтобы доказать, что англичане не по праву брали на себя роль нашихъ обвинителей.

Русскому историку нечего увлекаться такими сужденіями. Изъ иностранныхъ извѣстій онъ долженъ выбирать факты, провѣрять эти факты отечественными извѣстіями, если таковыхъ нѣтъ, сличать ихъ съ показаніями другихъ иностранцевъ; если и этого сдѣлать нельзя, то по возможности слѣдуетъ рѣшить вопросъ объ источникѣ интереснаго извѣстія: есть ли это наблюденіе самого автора, узналъ ли онъ это отъ лица достовѣрнаго, или записалъ по ходившимъ слухамъ. Опредѣлить, какимъ путемъ дошло то или другое извѣстіе до автора-иностранца,—очень важно; иностранцы жили въ древней Руси особнякомъ, большинство извѣстій доходило до нихъ въ извращенномъ

---

[1]) Выписка, учиненная въ иноземномъ приказѣ 1690, Собр. Госуд. Гр. и Догов., V, 622: „въ прошлыхъ де годѣхъ блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи и послѣ того были у нихъ [всякихъ чиновъ иноземцевъ] на Москвѣ для богомолья и евангельскаго чтенія кирка въ Бѣломъ городѣ, да за Землянымъ городомъ за Мясницкими вороты".

видѣ; поэтому, если мы вдумаемся въ эти извращенныя извѣстія и сумѣемъ объяснить себѣ, чтò должно скрываться въ извращенномъ извѣстіи, и почему оно могло быть такъ невѣрно понято иностранцемъ, то многія кажущіяся несообразными извѣстія получатъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Итакъ, задача русскаго историка, при изученіи иностранныхъ извѣстій, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) изучить понятія и воззрѣнія автора, равно какъ и отношенія его къ Московскому государству, 2) провѣрить чтò возможно несомнѣнными данными, 3) указать источники его сообщеній; такимъ путемъ опредѣлится степень его достовѣрности, и судя по ней, должно принимать или отвергать извѣстія, провѣрка которыхъ невозможна.

Англійскія извѣстія о Россіи, за время 1553—1591 годовъ, чрезвычайно богаты фактами и притомъ они касаются всѣхъ сторонъ русской жизни. Въ выборѣ и провѣркѣ фактовъ этихъ извѣстій и заключается задача нашей работы; сужденіями же ихъ о русскомъ управленіи, характерѣ, русской вѣрѣ мы дорожимъ очень мало. Печально было бы положеніе русской исторической науки, еслибъ у русскихъ историковъ не было о такихъ важныхъ предметахъ своихъ убѣжденій; къ счастью, они существуютъ и составляютъ результатъ изученія какъ древней, такъ и настоящей народной жизни.

С. Середонинъ.